Литературно-художественный журнал

ЕВРОПЕЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Выпуск 9

Кёльн 2016

Литературно- художественный журнал

ЕВРОПЕЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Выпуск 9

Кёльн

2016

Оглавление

Михаил Панкратов 6
Анна Токарева 8
Галина Стоянцева 13
Рина Ца 13
Ольга Олгерт 14
Ярослав Пичугин 15
Лидия Жарова 17
Василий Гуляев 18
Елена Зейферт 19
Надежда Шляхова 19
Никита Брагин 20
Сергей Шёлковый 23
Галина Абделазиз 24
Александр Евгеньевич Иванов 25
Сергей Тимшин 27
Виорика Пуриче 31
Александр Никоненков 33
Василий Бутов 34
Варвара Оленина 37
Николай Манацков 38
Игорь Трояновский 40
Ольга Домрачева 40
Светлана Мель 41
Сергей Скорый 41
Лариса Семиколенова 42
Светлана Пешкова 42
Борис Щербатов 43
Джелал Кузнецов 46
Николай Фёдорович Дмитриев 46

Все материалы публикуются в авторской редакции

Редколлегия

Ольга Олгерт, - *главный редактор*

Лариса Черезова,
филолог, журналист

Александр Павловский,
журналист

Юрий Эйхман
журналист, дизайн

Электронный адрес: **slovesnost@web.de**

Импрессум

Европейская словесность
Evropejskaâ slovesnost'
Ausgabe 9(9), 2016
Verleger: Olga Olgert,
Verantwortlich i.S.d.P.R. O.Olgert
E-Mail: **slovesnost@web.de**
ISSN 2194-1211

71-й годовщине окончания
Великой Отечественной Войны
посвящается....

1945

Май пробуждает землю к жизни, ликует весеннее небо, но 9 –е Мая гулким набатом памяти врывается в сердце. И бьётся оно в унисон Победе, памяти тех солдат, кто навечно остался на полях сражений, подарив жизнь и свободу многим поколениям.
Вторая мировая война навсегда останется в памяти людей воплощением отчаянья и боли.
Война принесла горе в миллионы семей. Даже спустя 71 год раны её не затянулись. Печальным эхом доносятся её отголоски. До сих пор люди ищут без вести пропавших солдат, родные бережно хранят, как реликвии, фронтовые письма, боевые награды отцов и дедов.
Цветущий май – это праздничные канонады, но это и горечь от невосполнимых утрат , неподвластных времени, это бесконечная благодарность ветеранам Великой Отечественной Войны.
Специальный выпуск нашего издания посвящён 40 –м и роковым годам, всем, кто победил и вернулся, и тем, кто остался на той войне навсегда.
Написанное Слово – вечно.
Именно оно позволит памяти растворить время, преодолеть века и тысячелетия.

Редакционная коллегия.

Михаил Панкратов
(г.Люберцы , Россия)

Война шагала по Европе

Он – не герой. То было б слишком!
Но время было роковым.
Я знал его ещё мальчишкой,
Ещё тогда, к сороковым.

Война шагала по Европе,
И кровь невинная лилась.
А он любил уху с укропом,
И не любил от цыпок мазь.

Он знал лишь улицу родную,
Знал от начала до конца.
К тому мальчишке я ревную
Теперь и мать, да и отца…

Надрывно лаяла собака,
И лай над улицей парил.
Он приходил домой и плакал,
А почему, не говорил.

Что плакал не от злого взгляда,
А на вопрос: скажи, ты – чей?
Как ни старался, лишь - «Проклятов»
Наверх выталкивал ручей.

Его поили сладким чаем…
Зачем вам это говорю? –
Его фамилия, случайно,
Была похожа на мою…

Ника , баллада о Победе.

Больничный двор в израненных деревьях,
сплошной забор, да маленький погост.
С годами все становится рельефней
и глубже смысл его фанерных звезд…
Пока отцы на Западе сражались,
пока ломало льдины на реке,
дворовые мальчишки, мы держались
одной семьей, как пальцы на руке.
Различие, оно пришло позднее,
по майской, долго сохнувшей грязи.
У нас отцы – на Одере и Шпрее,
а Вовкиного, помню, привезли.
Зеленый «виллис» около забора
подал назад. А Он, с мешком в руке,
качнулся было, но нашел опору
и к нам шагнул на свежем чурбаке.
-А ну-ка, кто из вас тут Вовка Рыбный?-
мы подтолкнули «Чижика» в ответ.
Тянул наш Вовка нудно и надрывно
одно свое бессмысленное: «н-нет!».
Его всего покрыло, будто мелом,
и вытянуло, тощего, в струну.
-Родной ты мой! - Тот дернулся всем
телом.
-Сынок!- И Вовка бросился к нему!
Казалось, что сбежалась вся больница.
Немудрено – победная пора!
А Он пришел оттуда, с заграницы,
пока один из нашего двора.
Мне, видно, не забыть до смерти самой
больничный двор, набрякший тишиной.
Но не спешат за Вовкиною мамой,
за Любою, солдатскою женой.
Упала тень от старенького клуба,
толпа одним дыханием живет,
и женщина, прикрыв рукой живот,
идет едва, и общий выдох - Люба!..
В те дни и было только разговоров
про нашу медсестру и про него.
В том доме тихо, словно после мора,
и женщины вздохнули: пронесло!
На третий день, с медалью «За отвагу»,
он вышел, бледный. Пробовал запеть.
Потом ходил на кладбище к оврагу,
потом латал общественную клеть.
Все по двору ходил, вздыхая тяжко,
точил пилу и ладился пилить.

«Пить-пить!» - весь день скрипела
деревяшка.
Он усмехнулся: слышу, будем пить!
Мы с Вовкою – соседи по квартире.
Он спал у нас, прикрыв рукой глаза.
А за стеной, забыв о целом мире,
гремела запоздалая гроза.
Там не ложились. Выкрики и слезы,
глубокий вздох, и снова тишина.
А за окном все ехали обозы,
ночлег искали. Шла еще война...
А утром в небо врезались ракеты,
стреляла часть, стоявшая вблизи.
И это был тот самый – День Победы!
К нему мы шли, бежали и ползли!
К нему мы прикасались только в мыслях,
неся упорно свой тяжелый крест.
Был общий стол - один на всю Отчизну.
И общий стон над выщербами мест.
Играла музыка. Сменялись польки,
вальсы,
то вдруг врывался яростный гопак.
За всю войну мы так не целовались,
не плакали, не обнимались так.
А наш солдат не зря носил тельняшку,
нашел себя, связал на жизни нить.
«Жить-жить!» - слова учила деревяшка,
но иногда фальшивила «пить-пить»…
Сквозь толщу лет на берег тот проникну,
увижу тех, кого сегодня нет.
Увижу женщину, похожую на Нику,
богиню переменчивых побед.
Она уходит странною походкой,
чего-то ищет, встанет, вновь идет.
Халат наброшен, слабо пахнет водкой.
над ней заря холодная встает.
И долго-долго чей-то голос зычный
всё будет звать в молоденьком леске.
Прочту следы. Вот левый. Он – обычный.
Вот правый – только ямки на песке…

Последнему ветерану

Весь день одни тычки и оговорки:
Уйди, подвинься. Старый, не мешай!
Вот бабку сбил лихач на остановке.
На сундуке, как память, только шаль.

Нет никого, ни друга, ни родни.
Один, как перст. А смерть все не
пристала.
А был ведь день: "Дошел, мать, до
рейхстага"!
Да, что там день! Такие были дни!..

Уж ночь к концу, а все не спится деду.
И умер бы, но выйдет на крыльцо.
Вдруг без него вернется та Победа.
А знает только он ее в лицо.

Войдет во двор - ни здравствуй, ни
привета.
И не с кем вспомнить красный гололед.
И знает ветеран, и ждет рассвета...

А ты-то, сам. Как думаешь?
Придёт?...

Память

На ржавых петлях заскрипела дверь,
ступеньки вниз позёмкою продуты.
С собой не пронести туда продукты,
в землянку, где я памятью теперь.
Перед глазами - низкий потолок,
Подпорка-столб, окно с землёю вровень.
А на печи, закутанный в платок,
лежал мальчишка - простудился, болен.
Шептала бабка: «Долго ль до беды»,
Углы крестила и молила Бога.
В печи стояли щи из лебеды,
война и голод стыли у порога.
А во дворе - брезентовый «омёт»,
там, где росла ещё недавно груша,
стояла смерть с названием «Ванюша» -
немецкий шестиствольный миномёт.
У них Москва вошла и в явь, и в сны.
Меня тащили за уши под крышу:
-Москау видишь, Мишка, вражий сын?-
И я кричал, испуганный, что вижу!
Их было много, знающих язык,
побито вдоль урочища Ольшанки.
В пять лет, я различал по звуку танки,
в моих игрушках был немецкий штык.
Но снова кадр меняется немой,
и плоский штык уводит в тёмный угол.
Вот наш «У-2» с чернильной бахромой
в ржаной посев свечой горящей рухнул.
Ах, мама-мама! Тропочки узки,
и ночь страшна вокруг постов немецких,
когда с подругой плакали по-женски,

а вот могилу рыли по-мужски!
С тех пор семья хранила свой секрет,
он стал для нас надолго самым главным:
пробитый пулей маленький портрет
и синий атлас, пахнувший туманом...
Я иногда живу далёким днём,
я даже вижу сладкое лекарство, -
мне память лет невидимым дождём
омоет вдруг и время, и пространство.
И снова паром выклубится вход,
я снова гляну с тёплого насеста:
там Юлька, семилетняя «невеста»,
глотнув слюну, протягивает мёд...

Внимание-время сирени

Гудит, «нахальная», победная,
Цветёт уже который день,
Сирень-сирень, любовь запретная,
Всё норовит через плетень.
Весь праздник-то – с утра до вечера,
Ведь долгий праздник – редкий гость.
А, как восторженно - доверчива
Рассветом налитая гроздь.
Сгибай её, ломай по глупости,
Верши над ней неправый суд.
Красивые бессмертны в юности,
Их мимо времени несут.
Она придёт, пора лампадная,
Придёт безжалостно-строга.
А потому, цвети, набатная!
Топи над речкой берега!

Матери

Ты в степи, ты почти что рядом,
Ты в одном перелете пурги,
Где над домиком с белым фасадом
Солнце вымело в небе круги.
«Скрип» да «скрип» - запорошена
стежка,
Дворик мал, как попона коня.
Ты вздохнешь – хороша ли одежка…
Это, значит, - опять про меня.
Про седины мои и не вспомнишь,
А увидишь как в детской руке
Покачнулся при крике: «Воронеж!»
Бледный суп в полевом котелке.
Та дорога прошла через детство,
Через голод и тиф, как в бреду.
К той дороге – контрольному средству –
Трудный день на поверку веду…
Южный ветер зависнет на ставнях,
Запоет петухом по ночи.
Ты, родная, сегодня оставь мне
Под порожком от дома ключи.
Я приеду, наверно, под утро.
Будет речка туманы крутить.
Осторожно поставлю продукты,
Постараюсь тебя не будить.

Анна Токарева
(г.Егорьевск, Россия)

У МОЛЬБЕРТА

Рудневу Анатолию Владимировичу

Всё снятся ветерану по ночам
Война, полёт, огни аэродрома…
Проснётся вдруг – и хочется кричать
От радости, что жив он, жив! И дома.
Что нет уже ни взлётной полосы,
Ни длительной, мучительной разлуки…
Выстукивают песенку часы,
Расслабленны натруженные руки,
Сжимавшие неистово штурвал,
Вскрывавшие заветные конверты…
Войны звериный, яростный оскал
Душа забудет только у мольберта.
Пройдя сквозь испытаний жернова,
Душа не стала злой, не одичала,
В ней детская распахнутость жива,
Отзывчивость и доброе начало.
Рисует ветеран то глухарей,
То уток над болотом кочковатым…
А время, как жестокий чародей,
Безжалостно отсчитывает даты.

Алевтина Терпугова
(г. Челябинск , Россия)

Из книги "Язык войны"

И было мне три года с половиной…

Начну с банальной фразы: все мы родом из детства. Моё детство прошло в бараке на берегу озера Смолино. Первое яркое воспоминание: мне 3-4 года, стою на деревянной табуретке под электрической лампочкой без абажура и «с выражением» читаю стихи про фашиста, который жаловался: «насилу ноги я унёс от холода, от вашего». Видимо, это какой-то праздник, в комнате собрались соседи, взрослые и дети. Все мне аплодируют. Восторг слушателей вызвали строки: «Ну, как? – спросил старик Мороз, дыша метелью колкою. Фашист молчит, дрожит, как пёс, под новогодней ёлкою». Особой жалости к замерзающему фашисту никто не испытывал. Вчера опять получили «похоронку», об этом взрослые говорили весь вечер: жалели тётю Шуру, которая осталась с двумя ребятишками и старенькой мамой.
Одна бабушка всё же сказала про фашиста: «Тоже чей-то сын». Я удивилась, что фашист чей-то сын. А тётя Шура громко закричала: «Мы их сюда не звали!», – и заплакала. Потом взрослые сидели за столом и пели: «На позиции девушка провожала бойца. Тёмной ночью прощалися на ступеньках крыльца». Мы знали слова и подпевали.
Наши два барака называли «береговые», в отличие от «заводских», в которых жили эвакуированные заводские специалисты с семьями. Там же было молодёжное общежитие для подростков из московского детского дома, работавших на заводе и получавших «рабочую» продовольственную карточку. В таких же бараках располагалась школа, почта, заводской клуб, поликлиника, магазин. Нашим, «береговским», детям приходилось ходить в школу, магазин, поликлинику за три километра через два болота. В «город», как мы называли центр Челябинска, могли попасть не все. Требовалось разрешение коменданта, т. к. посёлок был «режимный». В таком случае люди пешком добирались до района КБС, а дальше ехали на трамваях. Название заводского посёлка в целях конспирации неоднократно меняли. На конвертах писали: Челябинск, п/я 24 или 65, береговой барак и указывали фамилию. Позднее посёлок называли «Сельмаш», а наши бараки и избушки – «Береговой посёлок». Название и номер завода тоже меняли.
В середине 40-х было так. На берегу озера за городом – землянки и бараки для рабочих «засекреченного» завода, огороженного колючей проволокой в три ряда. Сторожевые вышки, охранники с собаками. Война. Враг не дремлет. Вчера, говорят, поймали шпиона. Гулкие взрывы и вспышки сигнальных ракет на испытательном полигоне, иногда звучит сирена – сигнал о «дымовой завесе». Значит, нужно скрываться в бараке, плотно закрыть двери и окна. Заводские гудки, возвещающие о начале и конце рабочей смены. Смен три, а иногда четыре (перед наступлением). Работают, в основном, женщины, старики и подростки. Отцы воюют. Письма с фронта читают вслух всем бараком. Случаются письма из госпиталя и «похоронки». Взрослые слушают и горячо обсуждают сообщения по радио. Заслышав голос Левитана и слова «от советского Информбюро», ребятишки прекращают игры и тоже замирают возле радиоточки.
Детишек много в каждой семье. Те, кто постарше, помогают по хозяйству: добывают топливо, носят воду из колодца, собирают съедобные травы:

дикий щавель и чеснок, крапиву, какие-то камыши, иногда турнепс и брюкву на колхозном поле. Но последнее опасно: поле охраняет хромой объездчик на коне, который может не только огреть нарушителя длинным кнутом, но и подвести подростка под суд. Однако для игр время находилось. Летом играли «на песке» у озера, хотя территория считалась закрытой. Играли в лапту тряпочным мячиком. Большой резиновый мяч, ярко-синий с белой полосой, впервые увидела у дочки военпреда, прилетевшего из Москвы. Но это было позднее. Мальчишки играли в городки, мастерили рогатки, подбрасывали ногой «жоску» (так называли кусочек свинца, прикреплённый к лоскутку овечьей шкуры с шерстью). Зимой катались на санках, играли в «снежки», заливали каток. Коньки привязывали к валенкам. Иногда подростки каким-то чудом проникали на стрельбище, играли в окопах, в разбитом танке, находили гранаты или патроны, что порой кончалось плачевно. Одноклассник моего старшего брата подорвался на гранате, другому двенадцатилетнему мальчишке оторвало руку.
Однажды ночью проснулась от громких криков и плача. В ночную смену на заводе взорвался какой-то «погребок». Позднее узнала: так называли подземные «основные» цеха. После взрыва был митинг на братской могиле, хоронили сгоревших. К счастью, из наших соседей никто не погиб. Но по посёлку ходили две слепые девушки-детдомовки, которых удалось спасти пожарным.
Начало мая. В воздухе носилось предчувствие конца войны, говорили о скорой Победе. С утра – все оживлены, ждут сообщения по радио. Загудела заводская сирена. Ожил репродуктор. Все закричали: «Победа! Победа!» Обнимаются… Плачут…Вывесили красные флаги. Пожарные в блестящих касках играют какой-то марш, сверкают трубы духового оркестра. Ребятишки ликуют. Пляшет безрукий дядя Саша. На гармошке играет слепой танкист в шлеме. Вдоль барака – накрытые столы. Детям наливают сладкий морс из бочки с жёлтым краном, раздают невиданное чудо – розовую пастилу, по три штуки. Люди поют, пляшут, рыдают. Завели патефон. Молодёжь танцует довоенную «Рио-риту».
Иногда мои сверстники удивляются: «Неужели было так? Как ты всё это запомнила?». Запомнила. И теперь собираюсь рассказать вашим детям и внукам. Мои всё об этом знают. Так родилась поэма «Искры памяти».

В детстве для меня ключевым словом стал родник. «Родник – природный источник, ключ, который зародился глубоко под землёй» – так мне объяснили в детстве родители. «Значит он родной?», – спросила я.
Моя мудрая мама: «А ты подумай.» Думаю… Понимаю: главное слово – род. Это корень многих важных слов: родник – природа – родина – народ – родня – родословная. Слова одного корня, родные, родственные слова. Я с восторгом ощутила это родство, о чём изумлённо сообщила родителям. А стихи написала много позже. В период безвременья, когда нас в очередной раз лишили великой Родины – СССР, и все, кому не лень, принялись шельмовать российскую историю, упрекать Родину за «слабость» и беспомощность, а продвинутые «демократы» заклеймили само слово «патриотизм». Вот строки из стихотворения «Завет»:
Заклинаю тебя, сородич,
Не забудь родные слова!
Не постичь «демократам» безродным
Тайну русской мятежной души:
Пока жив наш язык и природа,
Им народный задор не изжить!
С детства привыкла гордиться, что мы – уральцы. Помню, на побелённой стене над кроватью висела большая географическая карта. Мы, дети, любили отыскивать на ней Уральские горы, реки: Урал, Миасс, Волгу и, конечно, Москву и Ленинград. Кто знает, может, это и было патриотическое воспитание. Во всяком случае, любовь к Уралу – нашей малой

Родине унаследовали от предков и дети, и внуки.
В семье всегда читали русскую классику, бережно относились к родной речи, ценили её самобытность и выразительность. Не случайно среди родственников многие служат на ниве просвещения. Мой педагогический стаж 38 лет; любовью, к российской словесности заражена дочь, филолог, кандидат культурологи, доцент, заведующая кафедрой литературы и русского языка ЧГАКИ.
О сбережении русского языка я написала стихотворение «Не растерять бы…» Вот строки из него:
Помнить бы наше родное, ан нет,
Всё недосуг, конъюнктура да лень...
Солнцеворот, а за ним – бокогрей.
Грозно грозой угрожает грозник.
Кладезь поэзии – русский язык:
родина – родич - природа – родник!
Не растерять бы родимых корней…
В другом стихотворении «Уберечь!» есть такие слова:
Мы, наследники русских гениев, –
Самобытны. На том стоим.
Слово Пушкина и Есенина
От «провайдеров» защитим!
Родные слова – своеобразные обереги. Ведь язык – тонкая и точная субстанция. Он интуитивно выражает не только образ мыслей и состояние человеческой души, но и отражает социокультурные процессы, говорит о зрелости и самосознании нации. Родной язык и природа помогают человеку сохранить достоинство и нравственность в самые лихие времена. Об этом строки из моего стихотворения «Провинциальные поэты»: «Незримая таится сила/ в родимом нашем языке./В нём отразилась вся Россия, / как Волга в малом роднике». Может быть, в этой незримой силе и сокрыта национальная идея, которую никак не могут придумать некоторые политики.
Я бы выстроила такую цепочку: род – природа – родной дом – родное слово и. конечно, Родина. И главное здесь – родное Слово. Вот они, наши родники, обереги народные, Это и мои родники, мои корни, без которых жизнь была бы пустой и бездуховной, и я не состоялась бы ни как учитель, ни как поэт.
Глубоко убеждена, что эти наши родники позволили советскому народу выстоять в Великой Отечественной войне. Именно поддержка глубокого тыла позволила нашей стране одержать Великую Победу над фашизмом.
Не факт, что главная Россия –
Внутри Садового кольца.

Искры памяти.Поэма.

Пролог. Крещение

Я рождена в суровый год военный
В бараке, в тесной комнатке убогой,
Где на ночь, по обыкновенью,
Постель стелили даже у порога.

До церкви не добраться всё едино –
Нашлась старушка, помнящая Бога,
Она «во имя и Отца, и Сына,
И Духа Святаго» меня крестила строго.

Барак – ковчег – строителей обитель.
Роддома нет. Не знаю: был ли врач-то?
Отец опять в «отсидке» как «вредитель»,
А мать свалилась в родовой горячке.

Я выжила без всяких «детских кухонь»,
Без молока грудного, «модных смесей»,
Спасаема, как видно, Святым Духом,
И наш барак мне не казался тесен.

Добру меня учили «добры люди»
И в горький час, и в редкий миг веселья.
Барак тот никогда не позабуду:
Ни в радости, ни в пышных новосельях.

Когда однажды белый свет померкнет,
Я думаю, Господь карать не станет,
Что крещена я не в соборной церкви,
А русской бабкой – в цинковой лохани.

Часть первая. Музыка Победы.

Из репродуктора гремели марши,
И голос Левитана рокотал…

«Конец войне!», - кричал братишка
старший.
Слепой танкист с гармошкой танцевал….

Мелодия обрушилась внезапно.
Сверкал «неотразимый» геликон.
Пожарная команда троекратно
Сыграла туш – и сразу вальс-бостон.

Столы накрыли бабы в честь Победы.
«Картоха», винегрет да холодец.
Из свёклы бражка – приношенье деда.
И собралось застолье, наконец.

Взвились над полигоном три ракеты!
«Директор приказал. Какой смельчак!
А, может, получил команду где-то», -
Гудел от возбужденья весь барак.

Доставили подарки от завода:
Коробку пастилы, бесплатный морс.
Спроворил кто-то с салом бутерброды,
Сам военпред во фляжке спирт принёс.

Запели все про тонкую рябину,
Потом «Катюшу» и про ямщика.
А мне всего три года с половиной.
И «похоронки» не было пока…

Отец вернётся – справим именины…

Часть вторая. Уроки доброты.

1. День рожденья

На тумбочке большой букет сирени.
Сварила мать похлёбку из пшена.
А, говорили, карточки отменят,
Теперь, когда закончилась война.

Вздыхает мама: «Всё-таки Победы
Мы дождались. Какой тяжёлый год!»
Соседка, сэкономив от обеда,
Мне принесла подарок – бутерброд.

Я поняла: «Победа – как жар-птица!» –
И съела без остатка с маслом хлеб,
Забыв с сестрёнкой Надей поделиться,
А, вспомнила – расплакалась взахлёб.
От старших – ни единого упрёка,
Лишь утешения да добрый смех.
Но это стало для меня уроком:
Не поделиться с ближним – тяжкий
грех…

2. Возвращение.

Военный марш по радио звучит…
Сегодня выходной – Парад Победы.
А почтальон опять разносит беды:
Кто «без вести пропал», а кто убит.
Ругая «распроклятую» войну,
Кричали вдовы, поминали павших,
Оплакивали «без вести пропавших»;
Их утешали: «Может, он – в плену,
Или контужен. Всякое бывает.
Вчера вернулся Федя – инвалид,
На костылях, но ведь не унывает.
«Есть голова – прорвёмся», - говорит».
Мы слушали трофейный патефон
И трогали медали «За от-ва-гу».
Фронтовики неспешно пили брагу
И спорили, и пели в унисон...

Эпилог. Боль памяти

Уходят те, кто помнит лица павших
На той священной праведной войне:
А столько было, «без вести пропавших»,
В чужой или в родимой стороне…

Ещё находят письма «следопыты»,
И медальоны, даже ордена,
Среди воронок, на полях забытых,
Вслух окликая их по именам…

Теперь не в чистом поле: на погосте,
В посёлке или в городе родном
Навеки упокоятся их кости;
Родня поставит памятник с крестом.

А, может, это будет полумесяц
Или звезда (как требует обряд).
Табличку кто-то строгую повесит,
Что «пал в боях за Родину» солдат…
Как ликовали люди в сорок пятом:
«Войне – конец, и Гитлеру – капут!»…
К могиле Неизвестного солдата
Со всей России тропочки ведут.
Здесь свечи ставят в памятные даты…

Галина Стоянцева
(г.Иваново, Россия)

Памяти моего отца
Александра Федоровича Бурдакова,
инвалида I группы Великой Отечественной войны

не было войны

Зелень пробудившейся весны,
Щебет птиц, заливистый и звонкий…
В нашем крае не было войны,
Только приходили похоронки.

Вестник смерти, почтальон-старик,
Опустив глаза, конверт протянет, –
Полетит над полем бабий крик,
Ясный день мгновенно черным станет.

В сизой дымке скроются леса,
Стаи молний горизонт охватят,
Русские заплачут небеса
О погибшем на войне солдате.

Видятся детей и юных вдов
Тонкие страдальческие лица,
Срубы заколоченных домов,
Враз осиротевших без кормильца,

Яблони в заброшенных садах,
Темные фуфайки в изголовье,

Белые бинты в госпиталях
С красной проступающею кровью...

Подвигу людскому нет цены.
Памяти навеки нет покоя.
В нашем крае не было войны.
Разве можно говорить такое?!

Рина Ца
(Харьков,Украина)

Когда закончится война

Когда закончится война и коркою возьмутся раны -
Жизнь вычеркнет из мирных книг свирепой смерти эпилог…
Боль изувеченной земли дожди залижут и туманы,
И зарубцуются травой швы развороченных дорог.

Мортиры спрячут свой оскал. Оставят стрекот пулемёты.
Не будет огненного рыка. Не вырвется фугасный ор -
Зло проржавеет, как металл… Зазеленеют мира всходы…
(В полях уже цвела б гречиха - / кому он нужен... мой укор?/)

Такая будет тишина!- Она войдёт, как победитель.
Одевшись в птичьи голоса - в свой сладкозвучный камуфляж…
И ты вернёшься /…пусть во сне/ солдатик мой, освободитель,
Оставив за чертою груз – войну - последний свой багаж.

Маршрут исчерпан. Ни к чему ни шлем, ни кирзовые берцы
За хрупкой гранью бытия - навек окончены бои.
Вся соль невыплаканных слёз тоской рассыпана на сердце -
Мне не по силам эта скорбь…- истёрла душу до крови.

У истины простая речь. От смерти нет противоядья -
Ей всё равно… Ей наплевать… Ей безразличны имена…
У всех возлюбленных её - глаза закрыты

.....О! проклятье...
Но ты почувствуешь в тОм сне: Ну, всё! окончена война.....

Ольга Олгерт
(Кёльн, Германия)

посвящается памяти моих близких, прошедших путь войны.

За линию фронта, за линию неба

Когда устанет сердце в полночь падать,
И сны застелют звёздную кровать,
Пропой мне , дрозд, такую серенаду,
Чтоб было мне не страшно умирать.

Ведь завтра – в бой, и я уже не вспомню,
Как пахли руки матери, как цвёл
В разбуженном саду весенний донник,
И пели голоса весёлых пчёл,

Как жизнь текла – легко, неутомимо,
Ещё не слыша музыки утрат,
И в светлых волосах моей любимой
Гуляли сновиденья до утра..

Как спорили о счастье мизантропы,
И я бежал за жизнью босиком,
Как души находили в небо тропы,
И лето пахло тёплым молоком.

И как нам пережить в лесу затишье,
Где жизнь начнётся заново – без нас..
Пропой мне, птах, и я поверю –
слышишь?,
Что завтра в полдень кончится война.

Сны войны

Здесь мир не верил суете,
Когда гасили боль свечами,
Здесь даже ландыши - и те -
"За мир и Родину!" - кричали,
Здесь - сны твоих однополчан,
Чья кровь смешалась с гарью будней,
И жив прощеньем ветеран,
И горд - цветеньем незабудок,
В родных краях, где вьётся клин
Летящих лет - под небом синим,
Где мы -цветы большой земли -
Цвели - под сердцем у России..
И длился наш священный бой..
Ты слышишь - это души лилий -
Погибших - шепчут нам с тобой:
Мы победили, победили!

***

Ещё не стали эхом сны войны,
И град снарядов помнят лица улиц,
Ещё земля от боли не очнулась,
И души трав до пепла сожжены,

И с фронта пишут небу земляки,
О том,что тьма развеется бесследно,
И день придёт -весенний и победный,
И будут в поле плакать васильки..
И будет длиться вечное "Ура",
И будут птицы петь стихи настурций,
И верить в то,что войны не вернутся
На землю, что устала умирать..

***

Мы думали – завтра - закончатся войны,
Но кто же стреляет по новым мишеням?
И нам не уснуть от протяжного воя
Сирен или душ,
Наши смуглые шеи
Устали носить погребальные метки.
Вернувшись на землю из облачных
прерий,
Мы снова живые,
Мы - птицы на ветках ,
Меняющих листья, как старые перья.

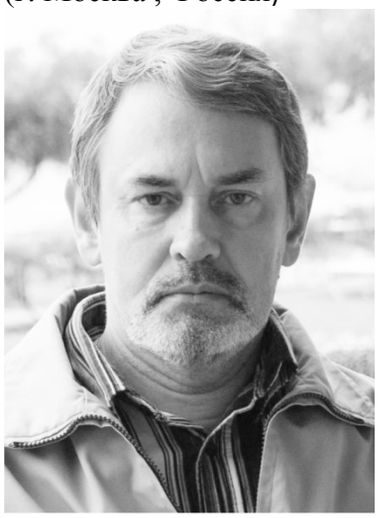
Мы – птицы, но снятся нам те же окопы,
Что раньше, когда мы в промокших шинелях
Ходили в лесах по обугленным тропам
И тихо молились и яростно пели.
Мы шли, облака над обрывом взрывая,
И враг наступал по кровавому следу,
Но лес, от беды нас в ночи укрывая,
Шумел на ветру и пророчил победу.
Мы вязли по грудь в леденеющем иле,
Забыв про обещанный купол ночлега,
И звёзды от нас не спеша уходили
За линию фронта, за линию неба..

Полвека прошло, время катится мимо.
Мы снова живые ,но в птичьей расцветке.
Не трогайте птиц –
Это души любимых,
С войны не вернувшихся,плачут на ветках...

***

Там всё не так : погасли в небе тропы,
Где каждый след - оставленный войной.
Там солнце ночью падает в окопы,
И мир дрожит ,
И пахнут тишиной
Лесные сны,
К солдатской плащ-палатке
Пришитые когда-то на века,
Там жизнь танцует "яблочко" вприсядку,
И вдаль течёт небесная река,
Там с ветки почерневшего заката
Слетает птицей медленная грусть,
И шепчет сердце павшего солдата
Молитвенное:
мама, я вернусь!

Ярослав Пичугин
(г. Москва , Россия)



МАЛЬЧИК СО СКРИПКОЙ

Не сопрягается со сценой,
Но поднимается со дна,
Морозной застывая пеной,
Блокадной музыки волна.

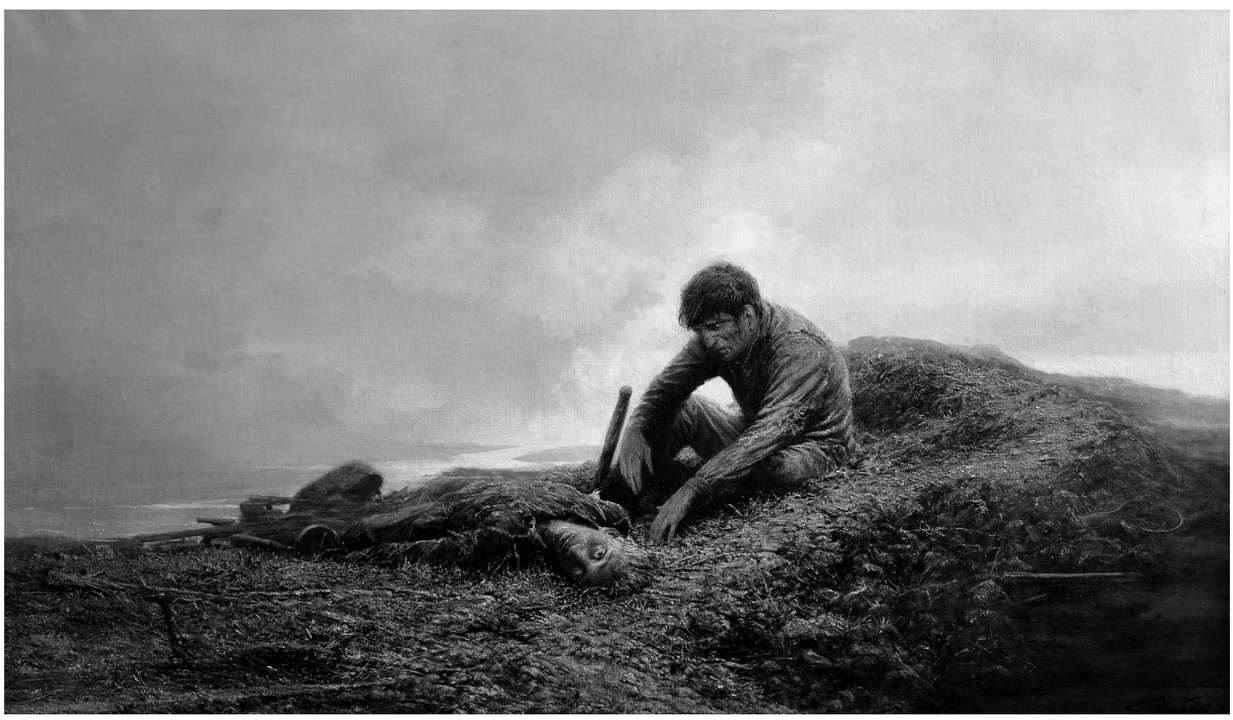
Картина остается с краю –
Художник живо приоткрыл
Подростка на подлете к раю,
Со скрипкой малой вместо крыл.

А он играет, он играет
И в каждом выдохе смычка
Холодный быт перегорает,
Но жизни бечева – прочна.

И как кошмар, опять рождает
Блокада по листку – дневник…
А музыка преображает
И светом наполняет лик.

Пытается нашарить что-то
Упорный луч прожекторов,
Десант невидимого флота
Вошел под облака покров…

И снова скрипка изнывая,
У смерти вымолит кредит,
А мальчик, жизнь не узнавая,
В пространство зимнее летит.



Художник Валерий Крымов. "Давным давно была война"

Лидия Жарова
(г.Шатура, Россия)

Как трудно...

Как трудно в 41-ом умирать,
Не зная о грядущем 45-ом,
Когда вся вражеская рать
Против тебя, безусого солдата!

Когда осатаневший танк
Лишь на тебя врагом нацелен,
Когда в бою сложилось так,
Что помощь к сроку не поспеет...

Когда твой мир превыше лжи,
Превыше страха - чувство долга...
Когда ты страстно хочешь жить,
А грудь разорвана осколком..

Когда разбитый грузовик
Лишь чудом вывезет из боя...
Когда ты к смерти не привык,
Но, чёрт возьми, она с тобою!

Когда вздохнет военный врач:
«Прими, Господь…Уже не наш он»…
Когда душа - сожжённый грач
На взорванной осенней пашне...

Когда сестра, лицо закрыв,
О незнакомом ей мальчишке
Заплачет тоненько, навзрыд,
А ты ни звука не услышишь...

Тогда поймёшь, в последнем сне
В родных местах витая где-то:
ТОБОЙ заплачено войне
За радость будущей Победы!
Поймёшь тогда, что сгоряча
Душа о суетном жалела.
Поймёшь, что счастлив, если часть
Твоя участна в общем деле,

Что для живущих ныне (нас!)
Три завещанья, три закона
Железом выведет война –
Благодарить, ценить и помнить.

Как трудно в 41-ом умирать,
Не зная о грядущем 45-ом!
Наверно, это знает только мать
В огне войны сгоревшего солдата.

Бессрочно

Ах, метроном! Кто мог уметь
Вот так, отсчитывая смерть,
Бесстрастно ритмом дорожить?
А мы отсчитывали жизнь.
А мы считали день за год –
Их было ровно девятьсот.
Их девятьсот, тех жутких дней.
Но нет земли для нас родней…
Война. Блокада. Ленинград.
Три слова слиты в крестный ряд,
Где каждый выживший распят
Бессрочно.

Впере-е-д!

К 65-летию Великой Победы

Свистели пули ошалело,
Тебя достать пытаясь влет.
Взрывая снег невинно-белый,
Стучал фашистский пулемет.

Кто мог бы жизнь в себе, как птаху,
Заставить жестко замолчать,
Когда волна густого страха
На сердце ляжет, как печать?

И ты глотаешь страх тягучий,
Тебя приклеивший к земле.

С ума сойти, быть может, лучше,
Ломая разум, осмелеть

И встать, смеясь: «Видали, гады?!
Советских пуля не берет!»
Ведь если надо – значит, надо…
И ты, хрипя, кричишь: «Впере-е-д!»

И за родимую сторонку
Рванешься ты сквозь гарь и дым,
В суровых строчках похоронки
Оставшись вечно молодым.

холодный цвет страдания

Немного краски у войны –
Лишь черно-бело-красная.
Ещё оттенки седины,
Как боль людская, разные.

В полях сражений, на крови,
Растет трава солёная.
И травы никнут, как ковыль,
Седые - не зелёные.

Как канонада - дальний гром
Седые стены помнили:
Ушли из дома вчетвером,
Пришёл один - изломанный.

Один живой. Среди других –
Как пеплом припорошенный.
Пусть нет ноги и нет руки,
Но это он, Алёшенька!

А о других печаль хранит
И в дождь, и в бурю снежную
Седой, страдающий гранит,
Сурово, молча, бережно.

Но в материнской доле нет
Минувшего и давнего.
И седина её, как снег –
Холодный цвет страдания.

Василий Гуляев
(г.Ленинск-Кузнецкий, Россия)

ВОЙНА

Есть и на мне её тяжёлый след,
Хотя в конце того десятилетья
В глуши лесов, на краешке планеты,
Мне было суждено увидеть свет.
«Твой дед в селе был первый
гармонист…»,-
Мне говорила бабушка печально
И вытирала нос мой краем шали,
И становился взгляд её лучист.
Нет, я не знал военного огня,
Но никогда я не прощу фашистам
Того, что в мире меньше гармонистом,
Того, что дедом меньше у меня…

ОРДЕНА

Я в те атаки не ходил,
От бомб не прятался в воронки
И душу мне не холодил
Возможный ужас похоронки.
Зато я знаю тех солдат,
Которым выпало вернуться,
В них пули из войны летят
И в их рядах снаряды рвутся,
Хоть маскирует Селина,
Но всё равно их через годы
Ещё находят ордена,
Хотя уже не всех находят
А на груди у тех солдат
Сияет золотое пламя,
Но в блеске боевых наград
Не только слава, но и память
О тех, кого взяла война
И кто путями огневыми
Прошёл, чтоб наши ордена
Не назывались боевыми.

Елена Зейферт
(г. Москва, Россия)

СОЛДАТЫ

Есть ли узы с родною землёю теснее,
Чем в окопе, что вырыт почти в полный рост,
Чуять запах земли и, дрожа вместе с нею,
Видеть взрывы железа, как россыпи звёзд?..
Мы наелись земли в кувырках рукопашной,
В тех ударах сапёрной лопаткой, пока
Не ослабит объятий на пашне вчерашней
Враг, что был человеком, но смерти искал…
Честно? Страх льдистым ветром пронизывал фибры,
Каждый день высотою нас новой пугал…
Но, мальчишки, мы жались к разнузданным “тиграм”
И взрывали своими телами врага.
Боль кричала за нас. Рядом гибли ребята.
Грай вороний порою совсем не смолкал…
И родная земля, как сестра медсанбата,
Нас, смертельно уставших, несла на руках.

Надежда Шляхова
(г. Сергиев Посад, Россия)

Честно и грозно

Спят во Львове кадровые части.
В ясной предрассветной тишине
Кто-то ласково вздыхает: «Настя…»,
Кто-то улыбается во сне…
Вздрогнули обиженно ресницы
У бойца на койке у окна.
… В это время взорвалась граница
Грохотом и воем арт-огня.
Спи солдат, пока ты в жизни прежней,
Досмотри свои смешные сны,
Улыбнись светло и безмятежно
Перед долгим, страшным сном войны.
Спи, солдат, пока приказ не отдан.
Через час, легко вооружен,
В перехват бронированным ордам
Двинется стрелковый батальон.
Ты не слышишь, как грохочут пушки,
Бой идет пока что вдалеке.
У бойца-соседа от подушки
Розовые складки на щеке...
А сосед беспечно крикнет что-то,
Встречный ветер фразу отнесет.
Только и услышишь: «Самолеты!»
Будто бы не видел самолет…
Вот чудак!
И взрыв!
Да что же это?
Что же я ему сказать хотел?
Тупо выползаешь из кювета
По сплошному месиву из тел.
На лесной дороге крик и стоны,
Гарь и кровь, и мертвые тела…
Это все, что было батальоном,
Да и вся дивизия – была…
К уцелевшим никогда ночами
Не придут мальчишеские сны.
На сыром песке часы стучали:
Семь ноль пять. Четвертый час войны.

А нам — неведомую даль и ненаписанные книги.

Владыке — власть, солдату — сталь,
Монаху — тяжкие вериги...
А нам — неведомую даль
И ненаписанные книги.

Там, у слиянья звездных рек,
Они нас ждут, топорща строчки,
От заголовка — Имярек
И до последней, главной точки.

Свою ты сам найдешь, поверь:
Она — душа, веселье, знамя,

Как облако, как теплый зверь,
Из мира вычлененный снами.

Она откликнется — жива! -
Раскроется мечтой и былью.
Ты дашь ей, словно плоть, слова.
Она тебе подарит крылья.

И там, в неведомом краю
Ты перепишешь день вчерашний,
И станут воины в бою
Непобедимы и бесстрашны,

Монах постигнет высший путь
В своем служении великом,
И, ветру подставляя грудь,
Закон судьбы поймет Владыка...

***

Это было до прорыва блокады.
Умирали сотнями. Падали лицами вниз,
таща на саночках воду.
Но выходили под парусом яхтсмены
Ленинграда
На зимнюю Ладогу тысяча девятьсот
сорок второго года.
С пулеметом. Из тьмы, словно снежный
призрак,
Под прицел орудий тупоносого
мессершмидта.
Ни хрена, ребята, подумаешь, парус
обгрызли!
Это вам буер, а не какое-нибудь корыто!
Это снежный крылатый корабль,
плюющийся смертью,
В сверхвозможном своем, одержимом
своем вдохновении.
На короткую очередь, словно на
огненный вертел,
Аккуратно надеты троих автоматчиков
тени.
Вновь вираж. Как живой, вырывается
румпель.
Э, да тут их полно! Ну, держись! Не заело
бы ленту…
…Мать сказала вчера, что профессор от
голода умер.
Утром. Прямо у лабораторного стенда.
…Снова в ночь, словно призрак. Сигналы
далекой тревоги
И ракеты, повисшие в небе морозном
свечами.
Ну, а там, за спиною, на темной ледовой
дороге
Бьется пульс Ленинграда – полуторок
тихим урчаньем.

Никита Брагин
(г. Москва, Россия)

Иваново детство

Родниковая, озёрная, речная,
напои воспоминанием, вода,
в дали детства утекая навсегда,
капли-образы на щёки мне роняя;
приголубь меня, лазури глубина,
опустись на изголовье, тишина,
упокоенное сердце пеленая.

Слышу тоненькую песню комара,
вижу, солнце осторожное крадётся
и внезапно отражается в колодце,
стаей зайчиков бежит вокруг ведра;
и, воркуя переплесками капели,
струны света заблестели, полетели,
словно дождика счастливая игра.

Майский вечер, лепестки летят со сливы,
лён косы течёт на мамино плечо,
рассыпается и вьётся горячо
светлой нежностью колышущейся нивы;
и ростки в перине чёрного пласта,
и песчаного обрыва теплота,
и озёр золотоглазые заливы

просыпаются в колодезной воде
тихой радостью венка и колыбели,

трепетаниями ласточкиной трели,
не послушными ни боли, ни беде...
Всё, что памяти доверчивой так мило,
невесомо и невинно отразилось
и на небе, и на сердце, и – везде!..

Захлебнусь ли я твоим журчащим даром,
долгожданным воскрешающим глотком,
прорасту ли в пепелище я цветком,
растворюсь ли в облаках летучим паром –
я с тобою, отцветание весны,
над которой, как предчувствие войны,
хмурый запад разгорается пожаром.

Блокадный рейс

Невесомую жизнь удержав на руках,
над невидимой смертью взлетаем,
и несется машина в густых облаках,
и гремит, словно клетка пустая.

За такую болтанку полгода назад
на ответственном рейсе в столицу
можно запросто было лишиться наград
и чинов, а потом застрелиться…

Самолет покачнулся и резко нырнул,
но никто не стучится в кабину,
и ни стона, ни плача не слышно сквозь
гул
против ветра летящей машины.

Пассажиры у нас тише зимнего сна,
терпеливее всех на планете, –
по губам синева, на глазах пелена –
ведь они ленинградские дети!

Им не страшно лететь, им не хочется
есть,
им не больно, они засыпают.
Не идут к ним ни радость, ни добрая
весть,
только смертушка бродит слепая,

и наощупь берет одного за другим
в костяной колыбельке баюкать,
и сжимается горло захватом тугим,
и по ребрам колотится мука…

И уже расплывается кровь на стекле
(или это над Ладогой брезжит?),
и пылает мотор на пробитом крыле,
и взывает, и плачет надежда!

Херсонесская элегия

"*От римских блях и эллинских монет*
До пуговицы русского солдата"
Максимилиан Волошин

Товарищ главный старшина,
одни мы выжили, очнитесь, –
кругом такая тишина,
что слышно ангела в зените…
В его слезе любовь и власть,
и столько света и полета,
что замолчали пулеметы,
и в небо хочется упасть.
И время смерти подоспело,
но держит горькая земля,
поникший мак нагого тела
огнем антоновым паля.

Ушел к Тамани «Красный Крым»,
на дне «Червона Украина»,
и мы, последние, сгорим,
и кровью породнимся с глиной,
горячим камнем и золой,
костями, кирпичами, пылью, –
с любимой, вековой, могильной,
все принимающей землей.
Шурша скелетами столетий,
в окопы сыпется она, –
теперь мы ей родные дети,
товарищ главный старшина.

Все, похороненное в ней, –
керамики сухие гроздья,
нагие острия кремней,
тяжелые отливы бронзы, –
все перемешано войной,
иссечено железным ливнем, –
Боспора золотые гривны,
и черный лом брони стальной,
и хоботы противогазов,
и мраморный девичий лик,
и нимфа в нежном хризопразе,
и молнией – трехгранный штык!

Товарищ главный старшина,
мы доиграли наши роли,
и тишина уже страшна

предчувствием последней боли…
Финал трагедии – затих

громоподобный хор орудий,
кровавой головой на блюде
наш Севастополь… Мерный стих
волны оплакивает город
в багровом трауре огня,
и землю грешную, которой
мы станем на закате дня.

Концерт

Ты пела в холодном ангаре
авианосца,
стоявшего серой скалой
на пасмурном рейде
Скапа-Флоу.

Ты пела – и сотни глаз
следили за лёгким движением
тонких рук,
любуясь твоим открытым лицом,
цветком улыбки.

И каждый – девочкой милой
тебя узнавал,
кто доченькой, кто сестрёнкой,
поющей сквозь даль времён
нежную песню.

В те годы простой кочегар
и грубый докер
умели тебе внимать
не хуже, чем выпускник
Итона...

И тяжкий чугун их дум,
объятый жаром,
стекал, ручейками света
переполняя
золото их сердец...

Величие той эпохи
не в монументах,
не в гордой броне орденов,
а в той любви,
что смели чувствовать люди,
кому оставалось жить
совсем немного,
к кому на гроб не придут

ни доченька, ни сестрёнка,
ни даже мама,

кому поминальную песню
поёт норд-вест,
когда наступает осень,
и моря седые косы
вьются по чёрным скалам
Норд-Капа...

Пеликен

На пустынной косе, возле кромки
прилива
отыскали тебя,
подмастерье работал с тобой терпеливо,
кость металлом скребя.

Как шеренга болванок растет из полена,
чтоб матрешками стать,
клык моржа превращался в отряд
пеликенов,
сувенирную рать.

Их за несколько дней раскупили пилоты,
увозя навсегда
далеко-далеко, где огни и красоты,
где стоят города.

А потом – сколько раз ты смотрел
узкоглазо
на кресты и пути,
сколько раз обрывалась цепочка рассказа
–
не забудь и прости!

Белой ночи крупинка, смеющийся
карлик,
костяной лепесток…
Расплывается кровью сквозь белую
марлю
снежно-алый восток…

Из руки умирающей Майры ты падал
на недрогнувший мост,

и скрестились лучи, и росла канонада
выше туч, выше звезд.

Ледяными фонтанами море рыдало,
пеплом плакала хмарь,
и, как милость последнюю, смерть
призывала
обреченная тварь.

И метель пеленала дворца колоннаду,
начинался обстрел,
и твоими глазами далекий Анадырь
на блокаду смотрел.

И хребты обнажали скалистые ребра,
обретая весну,
и тебя понесла краснозвёздная
«аэрокобра»
на закат, на войну…

И уже не исчислить ни звезд, ни историй,
ни фанфар, ни сирен…
Только белый туман, только серое море,
только ты, пеликен.

Твоя любовь

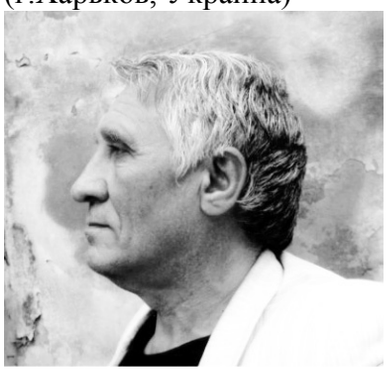
Твоя любовь как девочка во храме,
коснувшаяся мрамора колонны,
внимающая высям, где бездонны
органные хоралы над хорами.

Твоя любовь как лепесток на шраме
израненной земли, чьи мегатонны
лежат пушинкой на руке Мадонны,
нетленной над костями и кострами.

Твоя любовь – калиновые грозди,
алеющие как бутон стигмата
в ладони мира, пригвождённой болью.

Твой белый ангел зажигает звёзды,
и, пролетая над земной юдолью,
слезу роняет на лицо солдата.

Сергей Шёлковый
(г.Харьков, Украина)



На той земле до смерти не забыться…

Солдатская дочь

Всю жизнь свою Петровна хлеб печёт –
в работе у печи, считай, лет тридцать.
Года спешат, им не упомнить счёт.
Но той зиме до смерти не забыться.
Бесснежной стужей памятна война:
лозняк под ветром – брат да три
сестрёнки.
Застыла мать на лавке у окна,
в ладони смяв отцову похоронку.

Не видно бела света среди дня,
и лишь одна вдове осталась сила –
глазастая худая ребятня...
И встала мать, и тесто замесила.
Щавель, крапива да полгорсти ржи –
мука голодной ребятни солдатской.
Но на помин солдатовой души
землистый хлеб сумел в печи подняться.

И был разломлен он на пять частей,
и мать кусок пред каждым положила.
«Не отослать обратно злых вестей...» –
всего-то и сказала через силу.
И лишь на миг оттаяла в лице:
«Помянем батьку горьким хлебом, дети...
Да будет с нами память об отце,
да будет снова хлеб на этом свете...»

Навек на сердце клятая война –
ломоть горчащий поминальной тризны,
жестокая великая цена
отцовства, сохранившего Отчизну.
И зреет поле, и река течёт
по той земле, что до травинки свята.

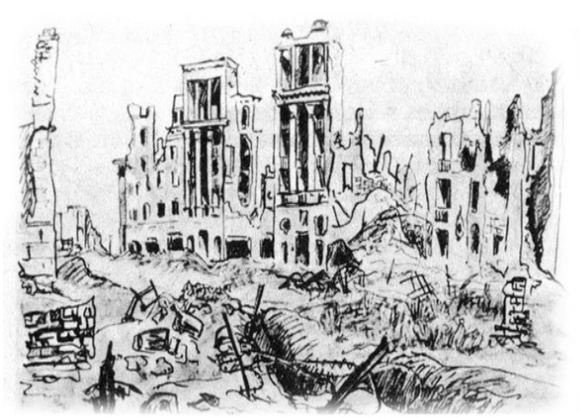
И для живых людей хлеба печёт
живая дочь убитого солдата.

Взглянув в глаза вдове солдатской..

Вдова

Взглянув в глаза вдове солдатской,
апрель могилы отогрел.
И снова стало ей казаться,
что мир немного подобрел.
Что там, в сорок шестом, в апреле,
она, как прежде, - рядом с ним,
ушедшим на Страстной неделе
несдавшимся и молодым,
успевшим в муке госпитальной
вдохнуть последний свет весны

из глаз мальчишки, из печальной
улыбки на губах жены...
И снова солнце подсушило
бугры промокшие могил,
коснувшись вешней вещей силой
живых и тех, кто не дожил.
И над кладбищенским пригорком
лепечет первая трава.
И, наклонясь над камнем горьким,
метёт надгробие вдова...



Галина Абделазиз
(Алжир)

Там снятся сны победные ему

Знамена у подножия Кремля,
Фашистские штандарты-вензеля,
Зловещий прах, кровавый хлам войны,
Им страшные, должно быть, снятся сны!
А мой солдат уложен под гранит,
Его земля родимая хранит.
Лежит один в березовом дыму,
Там снятся сны победные ему:
Как дети улыбаются весне,
Как расцветает майская сирень.
Вот внук подрос, гвоздики посадил
На память у отеческих могил.
Печальницы, по ком они звенят,
Не ведая ни званий, ни наград?

По линии огня крутых дорог
Уходит за рассвет бессмертный полк;
Ты с ним уходишь, вечно молодой,
Сомкнули годы крылья над тобой...

И зори тихие горят

Всем, кто не вернулся и моему дяде,пропавшему безвести в битве за Москву.

Горят над городом Стожары,
И зори тихие горят.
А память пишет мемуары,
Как провожала мать тебя.

Гудело небо над Москвою,
Взрывался сотый километр,

И ты за Родину святую
Упал безвестною звездою...
Но помнит подвиг твой поэт!

Нам к жизни не вернуть солдата,
И мы, порой, берём перо,-
Пусть Слово сделает, ребята,
Что сердце сделать не смогло...

Ночь та была по-июньски тиха

Грустно солдатской душе в небесах,
Белый журавлик слетает ко мне,-
Ночь та была по-июньски тиха,
Выстрелы зрели в её тишине.

Вот и сегодня щемящий рассвет
Снова звенит раскалённым мечом,
Чей же сынок над полями побед
Станет журавликом света ещё?

Снова июнь красным снегом одет...

Я каждым маем

Посвящается десантникам Второй Мировой...

Я каждым маем в пламени заката
Над лугом вижу белый парашют,
Один, другой...Воздушные десанты
Построены на праздничный салют!

Парят,...парят,...свободное паренье.
Скажите, где десантники мои?
Перед глазами целым поколеньем
Летят по небу мальчики войны.

А здесь, внизу, созреют скоро вишни,
Весёлый василёк в траве горит.
Парите, милые, во имя этой жизни.
Несу моё вам сердце на гранит...

Александр Евгеньевич Иванов
(г Рязань , Россия)

Солнечная

Я открыл глаза. Похоже, рай...
Но вернул на землю - грохот пушек!
Ты - склонилась:"Нет!..Не умирай!"
Солнечная...Россыпью веснушек!

Мы ползли к позициям вдвоём...
Помогая, как могли, друг дружке!
И - темнели на лице твоём
Солнечные...майские веснушки!

Ты шептала:"Ну, ещё чуть-чуть...
Ты сумеешь...Ну же...ну, же, милый!"
Замирала, чтоб передохнуть -
На секунду! И - опять тащила!

Доползли!..И - вновь меня спасла!
(Не забуду!..Дай мне, Боже, силы!..)
Смерть моя - опять меня нашла...
Шла - ко мне...А грудь - твою пробила!

****
"У войны - не женское лицо."
Так, похоже, сказано Поэтом...
...Умирала на руках бойцов -
Солнечная!..Санинструктор Света...

Утро

А ночь была такой холодной!
(Тянуло влагой от реки...)
Потом...змеёю подколодной,
Сползла...спустилась в ивняки.

И там, где воды неустанно
Несла работница река,
Она - прикинулась туманом...
Такая - белая...Пока.

Она - ждала! Она - таилась,
В засаде сидя, там...в кустах...
Ну вот...и солнце появилось!
Залился песней звонкий птах!

Ему в ответ, как менестрели,
На всякий вкус...на новый лад...
Щелчки...чириканье...и трели -
Многообразием рулад!

И потеплело, между прочим...
Сейчас бы - крепкого вина!
И - подремать...А то ведь ночью,
Признаться, было не до сна...

А ночью...речки тихий шёпот
Всё убаюкивал:"Усни..."
...Но - грозовой далёкий ропот...
И дальних всполохов огни...
Но - ожидание... чего-то,
Неотвратимого, как смерть...
Почти до самого восхода
Твердило мне:"Не спать!..Не сметь!"

И я - не спал!...Но вот, с рассветом,
Когда все дали - на виду...
Подумал я:"Неплохо это,
Коль в мир Морфея я войду..."

Хоть на часок!..Вздремнуть немного...
(И сон - к земле меня толкал...
Морфей с собою звал...в дорогу...)
А птах - всё пел, не умолкал!

Река журчала...Ночь, в тумане,
Ждала прихода тёмных сил...
"Как жить - когда тебя не станет?"-
Вдруг голос Матери спросил!

Я - встрепенулся!..Птицы - пели...
А в ивняке - фашистов взвод!

И, птиц глуша...смертельной трелью
Заговорил мой пулемёт!

Кто он – без вести пропавший?

Кто он – без вести
пропавший?
Где он: мёртвый? Средь живых?
Может быть, за правду павший…
Может быть, давно уставший
И надежду потерявший
Разыскать своих родных…

А они, родные эти
(не другого – так его,
одного на целом свете!)
Письма шлют – а вдруг ответит?
Ждут солдата своего.

Сердцем ждут, не веря – верят,
Как и много лет назад,
Что потеря – не потеря,
Что судьбу войной измеря,
Жданный гость придёт - солдат.

Встанет – без вести пропавший,
Свой до боли, как и был,
Словно день пришёл вчерашний,
Словно нет безвестно павших,
Безымянных их могил…

Последняя растаяла звезда

Последняя растаяла звезда
На посветлевшем небосклоне южном...
Ты знаешь, я ещё вернусь сюда...
Мне - это нужно!..Просто - очень нужно!

Вернусь сюда...в цветущие сады...
И вспомню дни, что здесь провёл...когда-то...
И точно так же...буду ждать звезды...
Её восхода. И - её заката...
Пройду на перевал...где вечный снег.
И - сверху вниз взгляну на мир подлунный.

И сердце...гордой птицей в вышине,
Вспорхнёт, задев невидимые струны!

И песней зазвучит моя Душа!
Как Гимн Любви!..Победа над Судьбою!
О жизни, что и вправду - хороша!
****
Вот выйти бы...живым ещё...из боя...

Терпкий запах полыни

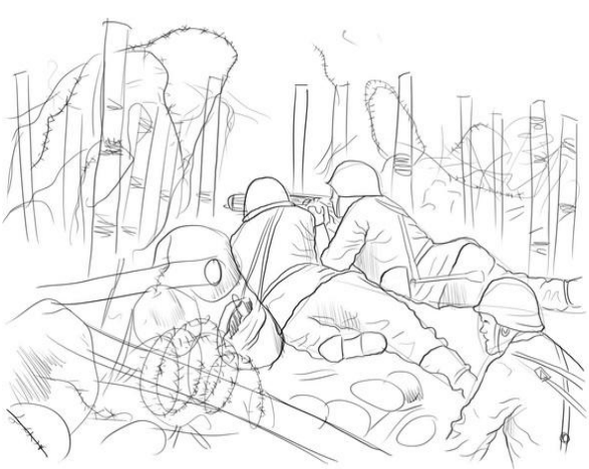
Терпкий запах полыни
В сизом мареве дня...
Я шепчу твоё имя -
Лучший звук для меня.

Гром... раскатами...где-то.
Колокольчик - во ржи...
Над землёю нагретой
Шмель ворчливо жужжит...

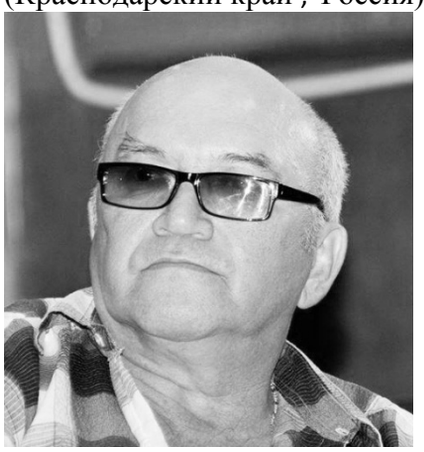
Утомлённого неба
Неохватная синь...
Запах спелого хлеба!
...Да вот эта...полынь!

Мну меж пальцев... и запах,
Будто, помнишь...тогда!
...Солнце - тихо на запад...
Тучи с юга - сюда...

Всё ведь сбудется, знаю!..
Заалел горизонт....
Я - свой взвод поднимаю...
Нам - домой...через фронт!



Сергей Тимшин
(Краснодарский край , Россия)



Преддевятое мая

Средь озёрного рая, где от века тайга,
Преддевятого мая разыгралась пурга.

Своенравна в погодах близ Ямала страна,
Где на суше и водах не гремела война,

Где во мхи и деревья не вонзался металл
И над Обью деревни с берегов не сметал!

На глухие урманы, на речную волну,

Как на свежие раны шлёт метель белизну -
Мягко-снежные крылья опускает на май,

Покрывает стерильно не израненный край...

Но зачем – накануне! - на расцветший пейзаж
Сиверочки* надули заполярную блажь?
Или вьюга без стужи – это тот санитар,
Что, войною контужен, средь времён заплутал?
И, спасатель нездешний, на листву и цветы
Сыплет, стелет, сердешный, стрептоцид и бинты,
Тратит снежную вату, ёжит в соснах бельчат,
А солдаты… Солдаты в обелисках молчат.
А солдаты согреты – негасимым Огнём,

А солдаты воспеты – знаменательным
Днём!

И приходят к ним дети, и цветут кумачи,
И из солнечной меди «День Победы»
звучит!..

И придут ветераны, будут скорбны
уста…
Им ли старые раны заживить, санитар?
Им ли тающей вьюгой гарь седин
забелить?
Им ли павших и юных побратимов
забыть?

Их - родных нам и близких, их -
последних в живых,
Ждут и ждут в обелисках братья вечные
их…

Оттого ль, понимая неизбежность
потерь,
Преддевятого мая будто плачет метель?..

* Сиверочки – северные ветры

Даль волжская

Реквием

Светлой памяти моих родных
в канун 70-летия Великой Победы

1.
Ситом небесным просеянный,
Праздничен солнечный свет...
Здравствуй, Иван Алексеевич,
Мой сталинградский дед!

Нынче в чарующей кипени
Благоухающих груш,
Внуку о дедовском имени
Памяти лёгок груз.

Память печальную выбелил,
Цветом исполненный сад -
Нет в ней известий о гибели,
Нет эпитафных дат!

В мною не прожитом времени
Нас разделившей войны,
Вёсны живыми апрелями
К Маю устремлены.

Зори взметаются флагами,
Пьют поднебесье стрижи.
Где-то в фашистском концлагере
Ты ещё, дед мой, жив…

2.
Заветная, туманная, во снах и думах
званая,
Широкой Волги даль…
Там, бабушка желанная Таисия
Ивановна,
Ты вечно молода!

Река струится древняя, уносит век по
времени
Плакучею листвой…
Из вёсен наших солнечных поклон тебе
от доченьки
И внука твоего.

Поклон тебе, родимая, напрасно - не
растила ты
Погибших сыновей,
Не зря в них силы выжала, ведь чудо-
дочка выжила,
Став мамочкой моей!

Ведь зимы сносит мартами, и снова
поднимается
Над Волгою трава.
И правят детки малые апрелями и маями,
И в детях ты жива!..

3.
Прабабка моя Пелагея Акимовна,
Как только разрывы трясли Сталинград -
Район обезлюженный взором окинув,
Бросалась в гремящий ад.

Любого съестного добытчица грешная -
Где склад разбомбит, где собаку убьёт -
С мешком на плече по развалинам-
брешам
Прокрадывалась вперёд.

Она ль мародёршей была под
бомбёжками,

Хватаясь за жизни непрочную нить,
Чтоб внуков, вернувшись не
пустопорожней,
Хоть чем-нибудь покормить?..

4.
Было их пятеро
У солдатки-матери:
Четыре мальчика
И девочка-нянечка.
В семействе Тимшиных -
В кругу мальчишечек -
Сестрёнка Лиличка
Посерединочке:
Два младших братика,
Два старших братика!
На братьев девочка
Была богатенькой…

5.
Но, рождённые смеяться,
Молкли младшенькие братцы:
Умер Славик-грудничок -
Жизни звонкий родничок.

И, от голода опухший,
Не просивший больше кушать,
Умер Юлий брату вслед -
Четырёх неполных лет.

6.
На войне, где стреляют не в книжке,
Гибнут прежде девчонок мальчишки,
Потому что мальчишки отважно
Пробираются в лагерь вражий.

Что же с горлышком стало у Влада,
У примолкшего старшего брата?..
Простынёй забинтована шея,
И на ней, будто вишни зреют…

Это бравый немецкий каратель,
Позабавился доблести ради,
И под пьяные крики и гогот
Прострелил мальчугану горло.

Полнедели промучился Владик,
И с ранением подлым не сладил:
Пулевую поставили точку
Для одиннадцати годочков!

Отвезли Владислава на санках
В край погоста под снежный саван.

7.
Так остались вдвоём погодочки
Боря с Лиличкой - брат с сестрёночкой.
Были горькими, были ранними,
Были стойкими, были ранены…

Не пеклА им на масле бабушка
Из белейшей муки оладушки,
А картофельными очистками -
Всё из кухни немецкой - пичкала.
И варила часами длинными
Кожу жёсткую лошадиную,
Да порой требуху вонючую,
Достававшуюся по случаю.

Было холодно, было голодно
Средь руин фронтового города...
Но дожили до сорок третьего,
И бойцов краснозвёздных встретили!

8.
Бабка крестилась: «Поклон тебе,
Господи!
Ох, ребятишек не всех сберегли…»

Мать санитаркой устроилась в госпиталь,
Дети-подранки при бабке росли.
Жили в подвале – барак их бревенчатый
Бомба смела ещё в сорок втором…

Боря, осколком над бровью помеченный,
Стал, восьмилетний, в семье мужиком.
Тоже добытчик! Для постного супчика
Мог из рогатки набить воробьёв,
А на ушицы - пахучие, жгучие! –
В Волге неблизкой ловил окуньков.

…В школу пошли в сентябре сорок
пятого.
В год тот – бездомные дети войны -
Стали детдомовскими ребятами,
В группах и спаленках разделены.
Там семилетку окончили, выпорхнув -
В техникум Лиля, Борис в ФЗУ,
Чтоб потеряться навеки по выпуску,
Каждый в свою удаляясь судьбу…

9.
Ни фотокарточек, ни писем
Из маминых военных лет,
Ни документов…
Только высей
И только далей волжских свет.
И эти горькие рассказы,
Что впитывал ещё мальцом…

Родных не видевший ни разу,
Я помню каждого лицо!

Любимые, живые лица -
И в каждом мамины черты! -
Как голуби и голубицы
Ко мне слетают с высоты...

10.
…О доле раненого деда,
Вернувшийся в победный год,
Сосед контуженный поведал,
С ним вместе призванный на фронт.

Был дед по жизни музыкантом,
Владел трубою духовой,
И окруженцем к оккупантам
Попал с той самою трубой.

Концлагерь… Проволоки стены…
Овчарок кормленных оскал…

«…Но я-то смог бежать из плена,
А Ваня ваш не убежал…
И дело, знаете, не в ране,
И уж, конечно, не в трубе,
А… – и тянул сосед по-пьяни -
В судь-бе, ребятушки, в судь-бе»…

11.
Я память мамину вбираю,
Ведь память – тот фотоальбом,
Что при пожарах не сгорает,
Не разрывается от бомб!

В цветенье яблочного мая
Я помню, как в сорок седьмом
Была убита баба Тая
Грабителями под мостом…

Ничто мне память не забелит!
И юбилейною весной
Перед прабабкой Пелагеей,
Склонюсь седою головой.

И, благодарный, буду снова
Жалеть саднящею душой,
Что Борю – дядечку родного -
Я в жизни мирной не нашёл…

12.
Ситом небесным просеянный,
Сыплется солнечный свет.
Маме в сегодняшнем времени
Восемь десятков лет.

К дате Великого праздника
Ноты рисуют стрижи.
Видимо, годы за братиков
Бог ей отвёл дожить…

Там, под стрельбой и бомбёжками,
Там, где осталась война,
Мама не в детскую ноженьку –
Ранена в сердце она…

Но - расцветают полотнища
Флагов державных окрест!
Будет в станице на площади
Петь духовой оркестр.

Будут – наряжены, солнечны -
Дети кормить голубей.
Выведет партию сольную
Юноша на трубе!..

И полетят за околицы
Марши могучей страны!
Жизнь на земле не закончится
Ни от какой войны!

Днём этим ясным и праведным -
Памятью, слогом моим -
Снова мы с мамой отправимся
В волжскую даль, к родным…

Виорика Пуриче
(г.Кишинёв, Молдова)

Безымянные

Безымянные могила,
Или не могил вовсе:
Их смешала с прахом глина,
Их накрыло пылю просек.

Их приветила чужбина
Диким клевером, полынью.
Чей солдат без вести сгинул?
Чью согнуло половину

В скорби, на родной сторонке?
А теперь её след канул.
На стеблях качнутся тонких
Цвета глаз её туманы.

Корни вынесли прах к свету:
"Поглядите напоследок,
Как в соцветьях силуэты
Тоже празднуют победу.

Чтобы дыр не стало чёрных
И "историй" белых пятен,
Целовать бы ливнем корни,
Окроплять их водосвятьем.

Зарастут быльём траншеи?
Память швабрами отмоют?
Как мальчишеские шеи
Клонит поросль к изголовьям...
*

Lacrimoara

По-молдавски ландыш - лэкримьЯрэ,
Иль слеза в дословном переводе.
Продаются сёзы на базарах,
Слёзы почему-то нынче в моде.

Но в тиши - запрет на суесловье,
Показные слёзы не уместны.
"Кодры" - чаща древнего сословья,
В зарослях - траншей и рвов соседство.

Там, на дно валежника, в пучину
Канули забытые траншеи.
Стреляными гильзами начинен,
А, быть может, прахом чьим-то шелест.

Говорят, что матери копали
Чернозём, ища на этом месте
Сыновей, что бЕз вести пропали.
Если что, то вкапывали крестик.

Здесь не слышен митинг суесловья,
И на прах идущая атака.
Ландыши слетелись к изголовью:
Над могилой павших здесь поплакать.

И не надо митингов площАдных:
Перевозки памяти подальше.
Нас оплачьте, ландыши, нещадно,
Чтобы смыть коросту нашей фальши.

Оросите, ландыши, слезами
Те окопы, что в лесу остались.
К обелиску с белыми стезями
Траурные склоны преклонялись.

Пикники разгульные оставив,
Причастимся росами затишья,
Души павших в лиственной оправе
Окропились ландышами свыше...

Художник Валерий Крымов. "Ты только живи"

Александр Никоненков
(г.Санкт - Петербург, Россия)

вдруг

Повестка, ночь, прощальный стол,
Ребёнок, гукающий в зыбке,
Зерно, что так и не смолол,
Сверчка простуженная скрипка.
Глаза тревожные любви,
Дрожащих слёз её ненастье,
Трескучий говор головни,
Предощущение несчастья.
Рассвета розовая даль,
Беда, припавшая к порогу,
Полузабытая скрижаль,
Полуразбитая дорога...
И вдруг, споткнувшись у дверей,
Где ночь упала, умирая,
Почуять запахи зверей
И оставляемого рая.
И у любимых рук в плену
О взгляд иконы уколоться...
А ты уходишь на войну,
И кто-то вдруг... тебя дождётся.

Звёзды Победы

Кремлёвские лица, стальная брусчатка,
Линейные хлопцы печатают шаг.
Застыла страна от Днепра до Камчатки
В строю, словно сжатый до боли кулак.

До боли от ран, от отдачи винтовки,
От страшных ожогов горящих людей,
От стона земли под немецкой подковкой,
От шрамов войны на сердцах матерей.

Подбитыми птицами чёрные стяги
Ложатся к подножию мраморных стен.
Московские голуби, сизые маги
Кружатся, воркуя, у детских колен.

В небесных полях распустились бутоны,
Костром завершая победный парад.
И падают звёзды на грудь и погоны,
Цепляясь лучами за души солдат.

Последние метры

Апрель догорает в ресницах рассвета,
Весна по раненью спешит в медсанбат.
Короткие сны так похожи на лето -
Прощальное танго вчерашних ребят.

Тепло проползает за фронт тихой сапой,
Усеяв цветами весь вражеский склон.
Вервольф закрывает дорогу на запад,
Но рвёт оборону стальной батальон.

Как трудно даются последние метры...
Давайте, славяне, станцуем потом!
Здесь родиной пахнут потсдамские ветры,
Здесь клевер такой же, но смерть за углом.

Нагорную проповедь снайпер не слышит,
Щелчком пополняя резиновый счёт.
И красный цветок ниже ордена вышит,
Последнее время по венам течёт.

В страну без войны за болезненной гранью
Уводит кровавая божья слеза...
Лежит без движенья воронежский парень,
В немецкое небо уставив глаза.

Неужели

Время года - в разгаре. Такая весна,
Что не скрыться в тени от бескрайнего света.
Это время надежды, но снится война,
Опалённое маем преддверие лета.

Растревожены запахом зелени сны
Всех солдат перед страшной смертельной атакой.

Это в цейсовских стёклах немецкой
весны
Проступают фигуры погибших из мрака.
Смерть несёт под крылом предпоследние
дни,
Холод ямы, любовь, непомерную славу...
Ты бедовую голову ниже пригни,
Не давай фрицам шанса, Павло из
Полтавы!

Злую песню прицельно поёт пулемёт,
Стоязыкий припев пролетающей пули
До коленных суставов, до дна достаёт.
Вот и птицы с деревьев под пули
вспорхнули...

На огромной земле люди падают ниц,
Упираются грудью и лицами в травы.
Ветер полон осколков, и гибель на бис
Исполняется хором с припевом
кровавым.

Но трещит, накреняясь, берлинская ось,
Проржавев до конца, до предсмертного
бреда...
Неужели, Павло, нам допеть удалось?
Поддержите, славяне!
ПОБЕДА!

Василий Бутов
(Липецкая область , Россия)

О дяде

Невысок и ладно скроен.
В каждом жесте - скуповат.
На рассвете перед боем
В батальон пришёл солдат.
Их родного медсанбата,
Полон бодрости и сил.
- Как фамилия? - солдата
Молодой сержант спросил.
- Бутов я, - ответил бодро.
Тронул пальцами усы.
Помолчал.
- Откуда родом?
Край Советский. Три косы.
- Земляки! - сержант на взводе,
Враз улыбка в пол - лица.
- Мы с тобой соседи вроде.
Я ведь родом из Ельца.
Рад. Безмерно рад, не скрою
Я знакомству от души.
- Эй, славяне! К бою! К бою! -
Кто - то выкрикнул в тиши.
... Шли враги широкой цепью.
Напролом, ощерясь, шли.
Гарь и копоть стлались степью.
Травы кутались в пыли.
Из - за рва по бездорожью
Шли в атаку белым днём.
У реки с июльской дрожью
Были встречены огнём.
Час ли, два...
В смертельной схватке.
Враг рассеян и бежит...
Бутов где? На плащпалатке.
Может, ранен? Нет, убит.

Молодой сержант украдкой
Вытер слёзы рукавом.
...Спит солдат в могиле братской
У деревни, под Орлом.
Сорок первый. Сорок пятый.
Зимы, вёсны - чередой.
Не утихнет боль утраты.
Память сердца -
Под звездой.

Деревья склоняются низко

Деревья склоняются низко
Пред стягом победной весны.
С рассвета к стреле обелиска
Приходят солдаты войны.
Встают и тихи, и ранимы,
У давней беды на краю.
И мир, завоёванный ими,
Не где - то, а с ними в строю.

И снова кинофильмы о войне

И снова кинофильмы о войне
Идут с широкого телеэкрана.
Июнь. Река. Застава в стороне
Забылась в довоенном полусне,
В глубокой и тревожной полурани.
Как вдруг из - за деревьев - артснаряд,
И яркий взрыв, и отсвет гари клейкий...
Я вижу, как веснушчатый солдат
Бежит к реке и падает у гряд,
Прижав к груди винтовку - трёхлинейку.
Суровый взгляд и отблески погон.
Солдат спешит, торопится, стреляет.
И вновь, и вновь гремит затвором он,
Ненарезной очередной патрон
В дымящийся патронник досылая.
Враг впереди. Враг рядом и кругом.
Наперерез - красноармейцы лавой.
Как сердца вскрик, как отдалённый гром:
- Ура! Ура!
В смертельный бой с врагом
Вступает пограничная застава.
... Июнь. Река. Застава в стороне
В глубокой и тревожной полурани.
На срезе лет и в яви, и во сне
Хочу, чтоб кинофильны о войне
Шли только с мирного телеэкрана.

22 июня

Ущербный месяц - знак беды,
Иль гроздь рябины солнцедарной?!
Рассвет -
Настой из лебеды -
Струит в проём дверей казармы.
Солдаты спят и видят сны,
В которых - дом, тепло, уютно.
Заря. Июнь.
И нет войны
На сквозняках земли остудной...

***

Гляжу на полувыцветшее фото
И вижу: по дороге полевой
Идут, идут бойцы стрелковой роты
И в их рядах мой дядя - рядовой!
Широк в плечах. Винтовка под рукою.
Взгляд карих глаз открытый и прямой.
И небо горевое, огневое
Пылает над солдатскою судьбой.
Ах, гарь войны!
Ах, матушка - пехота!
Не ныне, завтра - прямо с марша - в бой.
Гляжу на полувыцветшее фото
И вижу дядю.
Он - живой!

Варвара Оленина
(г. Москва, Россия)

Родилась во Ржеве, в сорок первом,
на Вокзальной.
Сильною росла.
Первыми в пожаре утром серым
тот вокзал и дом мой, номер два.
Из убежища с сестрой и мамой -
на машины — в тихие края!
Сорок первый, жесточайший самый,
только по рассказам знаю я...

До раненья, осенью, летнабом
на фанерном стареньком У-2
в точки вражьи по заданью штаба
бомбы слал… и крепкие слова.

Бензосклады немцев под Козельском -
заревом в ночи — рукой отца!
Госпиталь… Пехота… В перелеске,
в кубинских окопах — вой свинца...

Под деревней Фёдоровской — поле -
(та же Родина!) черно — зимой!
Танковое кладбище до боли
ранит пахаря… Но снова — в бой
шел отец, через Угру — ко Ржеву
медленно — вперед, за пядью пядь,
43-й год — и только к севу
удалось захватчиков прогнать,
страшною ценою...
В эшелоны -
всех, кто выжил,
за Белёв, на юг,
подключив штрафные батальоны...
Впереди сражений новый круг...
И потери…
Вера закаляла
мужество советского бойца,
как бы он не выглядел устало...
Не забыть отцовского лица
на военной карточке, под Курском,
что висела на стене моей,
над кроватью, в городишке русском
тех эвакуационных дней.
Дней голодных, у печи — холодных,
дней — в подвале, с сыростью — в
дожди...
В доме — крысы, во дворе — вороны.
От сухого кашля боль в груди.
День так долог! Лучше спать с мечтою
о вечернем празднике втроем
с кипятком и сахарною соей,
патокой покрытым сухарем!

Просьба в пустоту и слезы: «Хлеба!»
Только солнце требует: «Живи!»
Щавель у пруда, вода и небо -
в мире столько света и любви!

Я — жила. И дождалась Победы.
И отца живого дождалась.
И сегодня с памятью беседы
поколений укрепляют связь.

Николай Манацков
(Пикалёво, Ленинградской обл.)

Последний ветеран

Однажды вы проснётесь на рассвете
От необыкновенной тишины,
И вдруг поймёте: нет на белом свете
Последних ветеранов той войны.

Она ещё идёт…
Уже без званий,
Побед и поражений, без наград:
За благодарность из воспоминаний
Живых - о не вернувшихся назад.

Мне говорят:
- страницы не закрыты,
Пока могилы ждут своих ребят;
А я и есть – тот самый, не зарытый,
Ещё не захороненный солдат

Наступит день – и мне у изголовья
Из всех, кто раньше крепким сном уснул,
За эту жизнь, оплаченную кровью,
Поставит смерть печальный караул.

Затихнет гром прощального салюта,
Как отголосок прошлых бед страны,
И люди мира вздрогнут почему-то
От наступившей следом тишины…

Ну, а пока (до срока не забыта) -
Идет война, и я не виноват:
Оставшийся последним - не зарытый,
Сырой земле не преданный солдат.

Оставшийся последним, не убитый,
Ещё живущий на Земле –
Солдат.

Осколок

Во мне осколок той войны
Из лет уже почти забытых:
Мной неискупленной вины
За всех пропавших и убитых.

За пепелища деревень,
За вкус мороженой картошки,
И крошки высохшей кремень,
Сметённой в детские ладошки.

Он знак беды из той войны,
Но не снаряда или мины –
Народов,
не согнувших спины,
Моей несломленной страны!

В нём отраженья горьких слов
И причитаний, как ведётся,
От горя почерневших вдов
О тех, кто больше не вернётся;

Спасительных лампадок свет,
Коленей, стёртых у иконок
Тех, кто и после похоронок
Не верил в то, что сына нет;

Людей надёжных, как гранит!
И кто не вынес боль допросов -
Как много непростых вопросов
Осколок мой в себе хранит...
Он не даёт спокойно жить,
Бередит память,
как некстати
И нестерпимо хочет пить
Тот - раненный в живот, солдатик.

На сколах рваных, как сквозь сон -
Сквозь зубы стон из медсанбата,
А жить так хочется, ребята,
Жить! -
словно в первый раз влюблён.

Так странно: нет на гранях дня
Победы -
праздничных салютов,

Лишь скорбь молчания минуты
И отблеск Вечного огня.

Пропитан горькой тишиной
Осколок мой, в нём только беды:
Должно быть, слишком дорогой
Ценой досталась нам Победа;

Нет фальши в горести немой
И бравурных не слышно маршей -
Пожалуй, я сегодня старше
Их, не вернувшихся домой…

Осколок – часть моей вины
И общей, оттого, что сами
Мы все осколки той войны:
Былой,
но не забытой нами.

Не убитый

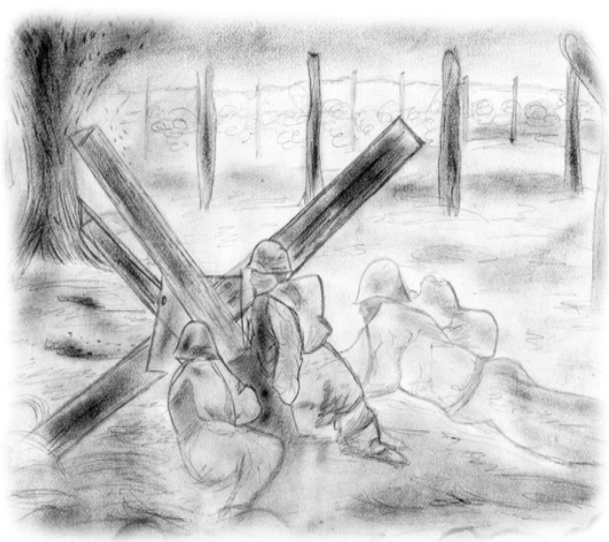
В краю немых свидетелей былых
Боёв, где смертью дол и мох пропитан,
Я не из тех, оставшихся в живых:
Не уцелевший, просто –
не убитый.

Я не сумел вернуться из войны:
Она живёт в счетах не мной открытых
Осознанным предчувствием вины
За то, что мы по-прежнему не квиты.
Забудется победная весна
С весёлым звоном радостной капели,
И кто-то всуе скажет:
старина,
Но пусть стволы орудий проржавели -
Я не прощу!
в любые времена
Не знающих и кто к забвенью склонны
Героев, чьи в граните имена
Поротно и повзводно,
поимённо.

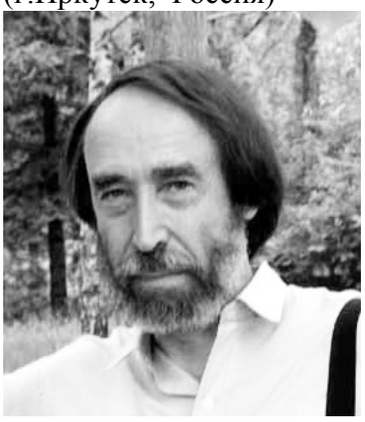
Когда придёт черёд –
земли сырой
Коснусь рукой и, памятные плиты
раздвинув -
Догоню и встану в строй:
Нет, не герой –
так вышло –
не убитый.

Я прорасту травою в полный рост
Над каждой пядью, политою кровью,
И глыбою замшелой на погост
Прилягу и навечно брешь закрою
В шеренге тех, кто в яростном бою,
Сгибаясь пополам - ловили пули,
Кто, защищая жизнь твою, мою -
Себя не сберегли и не вернулись…

До той поры во сне и наяву,
Тревожа память раною открытой,
Они со мной, покуда я живу,
А это значит:
тоже –
НЕ УБИТЫ!



Трояновский Игорь
(г.Иркутск, Россия)



За того парня

-Что, закурим, браток? На, пока передышка –
немец скоро попрёт, лишь наступит рассвет...
И щепоть табака протянул мне парнишка,
неспеша развязав полотняный кисет.
-Знаешь, я не курю, - говорю без утайки,
виновато гляжу, дым глотая костра.
-Табачок-самосад. Батя выделил пайку,
а вот этот кисет подарила сестра...
.....
Разорвали рассвет смертоносные вспышки,
и парнишка, упав, захлебнулся в крови.
Он лежал и хрипел:
-Ухожу я, братишка...
Эту жизнь за меня до конца проживи...
Стали мины вокруг, как безумные, рваться,
полосатила сопку пунктирная нить...
А парнишка шептал:
-Мне, ведь, только семнадцать...
Я ещё никого не успел полюбить...
Встала дыбом земля, как в каком-то кошмаре,
брызги алых гвоздик пропечатали снег...
.....
Некурящий курю –
мне приснился тот парень,
за которого я доживаю свой век…

Ольга Домрачева
(Большеречье, Россия)

Здравствуй, дед!

Моему деду Заворину Ивану и бабушке Завориной Марии посвящается...

Здравствуй, дед!
В удивлении брови не хмурь, всё равно не узнаешь -
Виновата война, что меня в твоей памяти нет.
Сорок первый... Принёс, отсчитав тридцать лет, меня аист,
Тридцать лет...

Помнишь, дед,
Говорил ты, прощаясь с семьёй: "Ухожу ненадолго.
Три дочурки-матрёшки - сберечь бы девчонок от бед.
Маня, дай табуретку, присядем с тобой на дорогу...
До побед..."

Знаю, дед,
Не сбылось... В сорок третьем принёс почтальон похоронку,
Но сожгла, не поверив, бабуля злосчастный конверт.
Твой единственный снимок она берегла, как иконку,
Столько лет...

Верю, дед,
Что Ивана да Марью встречают другие рассветы -
Ведь любовь и в солдатском раю

обнаружит твой след.
Как всегда, среди разных цветов и для вас в День Победы -
Мой букет.

Дед, прощай -
В сердце образ живёт, что хранило потёртое фото.
За тебя поцелую, проснувшись, твоих правнучат.
А мой сон иногда, приоткрыв занебесья ворота,
Навещай.

Светлана Мель
(г.Железногорск, Россия)

Мы уходили от войны

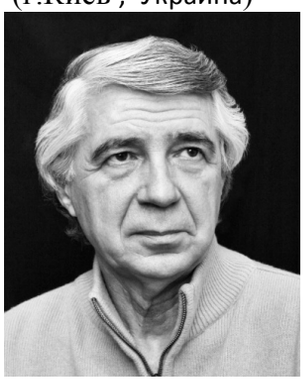
Мы уходили от войны
Сквозь толщу лет, сквозь чащу леса,
Под плеск воды, под лязг железа,
Под громкий шёпот тишины...

Мы уходили от войны
То по шоссе, то по просёлку.
И настигали нас осколки -
А ведь, казалось, не должны!

Мы уходили от войны
Сквозь дым воспоминаний горьких.
Несли младенцев на закорках
Туда, где взрывы не слышны...

В дороге выросли сыны
Ничто их снов не нарушало.
Война же в спину им дышала,
Удар готовя со спины...

Сергей Скорый
(г.Киев , Украина)



Здесь степь в сороковых сгорала...

Здесь волн морских гудит набат.
Азов швыряет мотоботы.
Восточный Крым. Степь. Арабат.
Вдоль Сиваша темнеют доты.

Здесь машет тень войны крылом.
Здесь степь в 40-х сгорала.
Здесь столько тысяч полегло –
от рядовых до генерала.

Не потому ль, не потому ль
так брызжут алой кровью маки…
И чудится здесь пенье пуль,
и тишину рвёт гул атаки…

Лариса Семиколенова
(г.Самара, Россия)

Безымянный солдат
(Перевод с болгарского)

Атанас Капралов
"БЕЗЫМЯННЫЙ"

Трусливый вернётся назад,
И он доживёт до ста лет,
А ты на земле видел ад -
Смотрела в глаза твои смерть.

Бомбёжка сводила с ума.
Куда ты ползёшь? Что кричишь?
Ты думаешь - коршун снаряд,
Быть может, тебя пощадит?

Взведён и отпущен курок -
И пуля вонзается в лоб.
И жизнь твоя - в несколько строк -
Рассыпалась хрупким стеклом.

Война твоя кончилась вмиг.
Без славы, почёта, наград...
Ты вместе с другими зарыт,
Простой безымянный солдат.

Средь тех, кто отмечен крестом,
Могилы твоей не сыскать.
В грязи, под сожжённым кустом,
Остался твой палец лежать.

Взращённый родною землёй,
Как тысячи славных бойцов,
Ты станешь частицей её,
Проливший за Родину кровь.

Светлана Пешкова
(Липецкая обл.)

Сестричка

Чахнет в отставке заброшенный
госпиталь.
Прошлое прячет за ветхими ставнями.

Плачет старушка здесь изредка:
«Господи,
не наказуй за грехи наши давние…»

Девочка, школу окончив с отличием,
смело шагнула в июнь сорок первого…
Взяли служить медицинской сестричкою.
Смерть не считается с возрастом, с
нервами.
Кровушка, кровушка — мисками,
вёдрами.
Служба не девичья, горькая, адская.
Вязы косматые вскормлены мёртвыми,
корни укрыли могилы солдатские.

«Господи! Раненый ждёт в перевязочной.
Стонет солдатик, измученный
жаждою…»

«Милые, — плачет старушка под вязами,
–
скоро сестричка поможет вам…
каждому».

Художник Валерий Крымов. "Партизанка"

Борис Щербатов
(1941 – 2013)

Баллада о танке

Он здесь закончил битву мировую.
Разбиты траки, башня снесена.
Как лоб, броню наморщив лобовую,
глядел туда, куда ушла война.

Седой солдат,
простясь навек с оружьем,
пустой рукав запрятав за ремень,
пришел к нему
и оглядел снаружи,
потом внутри ключами загремел...

И по весне все видели воочью,
как двинул танк на кочки и кусты,
тяжелым плугом медленно ворочая
с отливом синим жирные пласты.

А вечером,
залюбовавшись видом
уже на треть поднятой целины,
глядели молча вдаль
два инвалида,
два пахаря, пришедшие с войны.

И одного, наверное, хотели:
чтоб никогда
в просторном их краю
не одевали пахари шинели,
не одевались тракторы в броню.

Память

Эта память во мне живёт,
как далёкая канонада.

Там безногий солдат поёт
про пожарища Сталинграда.

О разлуке поёт другой
да про оченьки золотые.
Он слезу бы смахнул рукой –
вместо рук рукава пустые...

Чем ты встретил их,
дом родной,
с фронта хлынувшую лавину
изуродованных войной,
укороченных вполовину?

Кто расскажет сегодня нам,
сколько их
под хмельным угаром
прокатилось по городам
да по сельским прошло базарам?

Прогремели по мостовым,
проползли по вокзальным плитам
и, живыми придя к живым,
позавидовали убитым...

След

Когда отца на поле бранном
подмяла дымная броня,
я разминулся с младшим братом,
который мог быть у меня.
Когда над беженцами «мессер»
расходовал боекомплект,
тогда упал и мой ровесник,
едва явившийся на свет.
Я замечал в часы авралов,
как обжигало горячо
мое плечо дыханье справа,
но стыло левое плечо.
Пришла пора — и нашим детям
страна вручает паспорта.
А в их рядах гуляет ветер
и глухо воет пустота…
Где шли бои, трава густая
берет стремительный разбег.
А этот след,

не зарастая,
потянется в грядущий век!
Придут далекие, другие
с такой же метою в судьбе
и кровь спасителей России
опять напомнит о себе.

День Победы

Пришел домой
солдат израненный.
Закончив ратные дела,
в сырую землю
штык ограненный
всадил до самого ствола!

Уже весна дышала грозами,
и май оделся в синеву.
В девятый день
приклад березовый
внезапно выбросил
листву!

Руки

Вспоминал кузнец устало
между дел, накоротке,
как цыганка нагадала
ему счастье по руке.

Нагадала и дорогу
в чужедальнюю страну,
сыновей – отцу в подмогу -
и красавицу жену.

Было трудно, было всяко,
а ещё война была…
Всё исполнилось, однако,
как цыганка нарекла.

Вот они стоят стеною -
кость отцова, кузнецы!
Прячут руки за спиною,
улыбаются в усы.

Эти руки гнут подковы,
их железо не страшит…
А счастливая отцова
под Варшавою лежит.

Сорок девятый

Сорок девятый...
Скрип колёс,
проходят тощие бурёнки,
ещё не высохли от слёз
в крестьянских избах похоронки.
Ещё война ;
в глазах, в речах,
в молчанье горьком домочадцев,
ещё ко вдовам по ночам
мужья убитые стучатся.
А там, у старой молотилки,
лежит, зарывшись в краснотал,
набитый дремлющим тротилом
немецкой выплавки металл.
Как будто свет сошёлся клином
здесь, у безвестного села!
И над рекой моей былинной
война, что кончилась в Берлине,
три детских жизни унесла…

Забыть ли мне
сорок девятый,
их матерей истошный крик?
Над безутешною Непрядвой
одна могила на троих.
Здесь чудится
под свист осоки,
как из расколотого дня
двадцатый год летит осколок
убить четвёртого ;
меня.

Ровесник

Всё припомнила память строгая.
На пороге стою в тоске,
ослабевшей рукою трогаю
семь зарубок на косяке.

Их количество неизменно -
ни прибавить, ни зачеркнуть.
Метка нижняя - по колено,
метка верхняя - мне по грудь.
Метка верхняя - против сердца!
Я от боли кричать готов...
Мы росли с тобой по соседству
до неполных восьми годов.

Вместе - на; реку,
вместе - в школу,
детство долгое торопя.
Почему же слепой осколок
среди всех отыскал тебя?..

Я гляжу на старушку ветхую,
и опять горячо глазам:
она гладит зарубку верхнюю,
будто сына по волосам.

Тяжелеет годов моих бремя

Тяжелеет годов моих бремя,
и, от боли валясь на кровать,
я прошу:
- Не щади меня, время,
пощади мою бедную мать!

Посмотри, что ты сделало с нею.
После стольких утрат и обид
стала мама прозрачною тенью -
сквозь неё даже ветер сквозит.

Что ей слышится -
голос ли, эхо?
Вдруг покажется старой, седой,
что не сын на побывку приехал,
а отец возвратился живой.

Что ей видится в сумрачном поле,
когда, в даль заглядевшись с крыльца,
забываясь, зовёт меня Колей,
Николаем -
как звали отца?

Русские

По полям да по рощам,
по рекам,
по раздолью великой земли
шла пехота фашистского рейха
и тевтонские рыцари шли.

Нас батыевы кони топтали,
самураи пытали и жгли –
тайну русского духа искали,
но нашли - только то, что нашли!

Только изб обожжённых глазницы,
сумасшедшие пляски огня,
обложные - в полнеба! - зарницы
да ликующий пир воронья.

Эти птицы веками висели
над Россией, как символ беды,
на бескрайних полях обрусели
и от радости стали седы.

Сколько слёз,
сколько крови и горя!
Но, врагов своих в землю вогнав,
мы деревни рубили на взгорьях,
на ристалищах света и трав!

А вокруг -
полевая, лесная
нашей древней земли благодать...
Мы себя ещё сами не знаем.
Не пытайтесь же нас разгадать!

У подножия радуги

Был отец в мужской красе и силе
в тёмном поле ворогом убит.
Он друзьями посреди России
у подножья радуги зарыт.

Улыбнётся солнце, дождик брызнет,
радуга взметнётся на пути…
Ты прости, отец,
но мне при жизни
до твоей могилы не дойти.

Я – солдат, сын русского солдата.
Мне иной судьбы не выбирать:
грянет бой –
и мне с тобою рядом,
у подножья радуги лежать.

Джелал Кузнецов
(1936 – 2010)

Последний майский гром

Уже весна в зелёный пух и прах
вновь разодела тополя и клёны.
Ручьи,
гурьбою торопясь в овраг,
изрезали его крутые склоны
причудливым орнаментом рубцов,
которые разгладит только лето,
залечит,
словно раны у бойцов,
теплом родного дома отогретых.

Давно, давно -
в такой же майский день
на золотой от лютиков полянке
присел солдат на одинокий пень
в тени нагретого весенним солнцем
танка.
Сияя счастьем, мял в руках Приказ…
Теперь домой! …там ждёт его родная…

…и вдруг услышал гром.
В последний раз.
Последний в жизни гром…
В начале мая…

Николай Фёдорович Дмитриев
(1953 — 2005)

***

В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы, и все же
В какой-то мере все мы тоже
Вернувшиеся с той войны.
Летела пуля, знала дело,
Летела тридцать лет подряд
Вот в этот день, вот в это тело,
Бот в это солнце, в этот сад.
С отцом я вместе выполз, выжил,
А то в каких бы жил мирах,

Когда бы снайпер батьку выждал
В чехословацких клеверах?!

***

Тихо кружится звездная сфера,
Светит млечная пыль на сосне.
«Разворачивай пушку, холера!» –
Это батька воюет во сне.
На земле, под разрывами шаткой,
Обругав по-российски ребят,
Он в последнюю сорокапятку
Досылает последний снаряд.
На полу мои ноги босые –
Вот бы мне в этот сон, в этот бой!
Вдруг все это отец не осилит,
Не вернется оттуда живой?!

***

Я раньше часто проезжал
Село, где танк на пьедестале,
Где наш народ врага сдержал,
И сосны часовыми встали.
А за селом, среди полей,
Все тот же день, все то же небо,
И все-таки чуть-чуть светлей –
Там смерть была,
Но враг там не был.

ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ. 1941 ГОД

От инея усаты,
На мёрзлый свой редут
Подольские курсанты
По улице идут.

Шинель из военторга
Куда как хороша!
От смертного восторга
Сжимается душа.

– Эй, девица в оконце,
Дай жизнь с тобой прожить!
Греть косточки на солнце,
О юности тужить.

Скользнуть одной судьбою
По линиям руки
И в детство впасть с тобою,
Как речка в родники.

Уткни меня в колени.
Роди меня назад!
Но – только на мгновенье:
Я все-таки курсант!

Нам не под плат Пречистой,
Не под её подол –
Под небо в дымке мглистой,
Под этот снежный дол.

Уж вы с другими мерьте
Огонь златых колец,
А мы напялим Смерти
Тот свадебный венец.

Зенитные орудья
Забыли про зенит.
Загадывать не будем,
В какой душе звенит.

Сейчас по фрицам вмажем,
Метнем возмездья кол
И – юными поляжем
Под этот снежный дол.

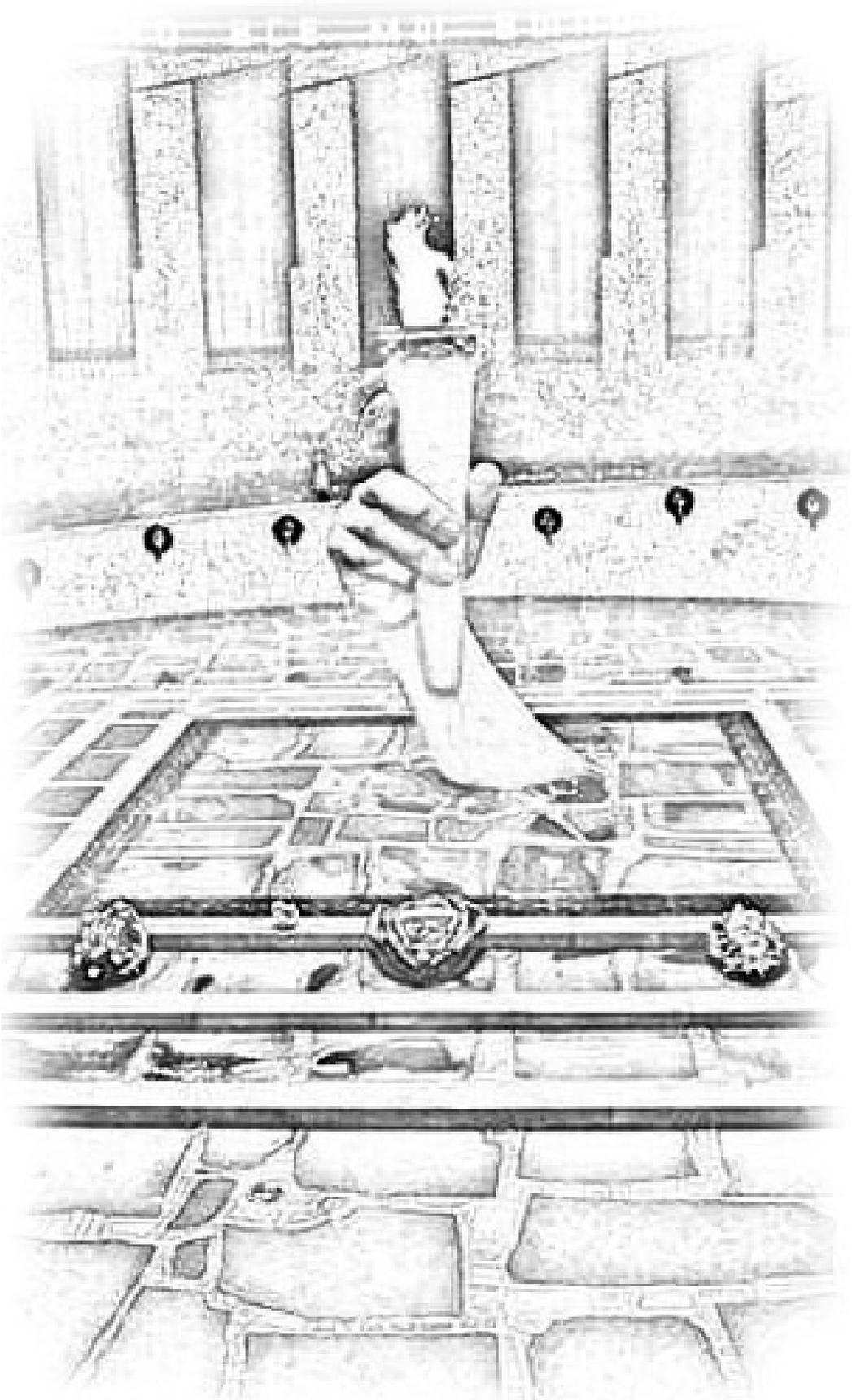
...Кремлёвские куранты
Звонят недобрый час.
Подольские курсанты,
Спасите сирых, нас!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Просверлен майскими жуками,
Весенний вечер так пахуч!
Сижу на горке с мужиками,
Слежу за ходом низких туч.

Добыли лаской и нажимом,
Что жёнки прятали в чулке,
И вот походит каждый живо
На Стеньку Разина в челне.

Трепещут листья и побеги,
Собаки лают на селе,
Сегодня можно – День Победы,
Кто весел – тот навеселе.

Но трезво-трезво, близко-близко
В тумане, словно на весу,
Далекий лучик обелиска
У всех, как искорка в глазу.

И на мосту, в коровьей свите,
В тревожных гаснущих лучах,
Бычок совхозный, как Юпитер,
Несёт Европу на плечах.